

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**ВЕСТНИК
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
НАУК**

Сборник научных трудов

Выпуск 6

*Под редакцией
доктора социологических наук,
профессора И.Ю. Киселева*

Ярославль 2006

УДК 3:001.12
ББК С5я43
В 38

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2006 года*

Рецензенты:
кандидат исторических наук,
доцент ЯГМА М.С. Чудакова;
кафедра политологии и социологии
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Вестник социально-политических наук : сб. науч. тр.
В 38 Вып. 6 / Под ред. проф. И.Ю. Киселева ; Яросл. гос. ун-т. –
Ярославль : ЯрГУ, 2006. – 136 с.

Содержатся статьи профессорско-преподавательского состава факультета социально-политических наук ЯрГУ. С позиций общественных наук обсуждаются различные проблемы истории и современности.

Предназначено преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся актуальными проблемами истории и современности.

УДК 3:001.12
ББК С5я43

Редакционная коллегия:
профессор И.Ю. Киселев (отв. ред.),
профессор Г.М. Нажмудинов,
доцент Л.Д. Руденко,

© Ярославский государственный университет, 2006

И.Ф. Албегова

Институциональная социология как теоретико-методологическая основа изучения института социальной работы в современной России

Социальная работа как теория и практика в условиях современного российского общества значительно расширила диапазон научных исследований. Именно она стала предметом изучения представителей самых разнообразных наук, их направлений и течений. Это объясняется тем, что социальная работа – явление уникальное: как теория она носит междисциплинарный, комплексный характер, а как практика представляет собой инновационную социальную деятельность.

Не вызывает сомнений тот факт, что социальная работа как вид деятельности воспроизвела в обществе уникальную открытую инновационную систему, изучение которой возможно с позиций теории самоорганизации. Практика подтверждает тот факт, что российская социальная работа развивается по нелинейным законам, характеризуется чрезвычайно быстрым возникновением и исчезновением разнообразных организационных форм и их относительно устойчивым существованием¹.

В любом случае институционализация социальной работы есть частный случай функционирования социума, процессов его институционализации в целом. Именно этот аспект является традиционной областью интересов социологической науки. Он не мог не попасть в поле зрения мыслителей, с именами которых связывается становление ее как научной дисциплины, имеющей свои особые

---

¹ Албегова И.Ф. Теория самоорганизации как методологическая основа изучения современной социальной работы // Методологические и технологические основы современной социальной работы в России: Сб. докладов региональной конференции / Под ред. И.Ф. Албеговой. Ярославль, 1997. С. 3-8.

предмет и методы исследования. Речь, прежде всего, идет о О. Конте, Г. Спенсере, Э. Дюркгейме и М. Вебере.

Институциональный подход О. Конта к изучению социальных явлений вытекал из самой философии позитивного метода, когда в качестве одного из основных объектов анализа социолога принимался механизм обеспечения солидарности и согласия. «Для новой философии порядок всегда составляет условие прогресса, и, наоборот, прогресс является необходимой целью порядка»². О. Конт рассматривал основные социальные институты – семью (семья, по его образному выражению, «школа традиции и повиновения»), государство, религию с позиций их включения в процессы социальной интеграции и выполняемых при этом функций. Противопоставив по функциональным характеристикам и природе связей семейную ассоциацию и политическую организацию, он выступил теоретическим предшественником концепций дихотомизации социальной структуры Ф.Тенниса (*Gemeinschaft* и *Gesellschaft*) и Э. Дюркгейма («механический» и «органический» типы солидарности).

Социальная статика О.Конта предполагала, что институты, верования и моральные ценности общества функционально взаимосвязаны и объяснение любого социального явления в этой целостности подразумевает нахождение и описание закономерностей его взаимодействия с другими явлениями. Обращение О. Конта к анализу важнейших социальных институтов, их функций, собственно структуры общества оказали значительное влияние на дальнейшее развитие социологической мысли в целом и, в частности, в рассматриваемой предметной сфере.

Свое продолжение и углубление институциональный подход к исследованию общественных явлений получил в трудах Спенсера. Строго говоря, именно им впервые в социологической науке в явном виде употреблено понятие социального института³. Определяющими факторами в развитии институтов общества Г. Спенсер считал борьбу за существование с соседними обществами (войну) и с окружающей природной средой. Организмически-эволюционный подход дополнялся у него структурно-функциональным.

---

² Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1899. С. 44.

³ Spencer H. First principles. N.Y., 1898. P. 6.

Задача выживания общественного организма в условиях его эволюции, усложнение структуры порождает, по Спенсеру, необходимость формирования согласующей и координирующей общественной подсистемы – особого рода регулятивного института: « В государстве, как и в живом теле, неизбежно возникает регулирующая система... При формировании более прочного сообщества появляются высшие центры регулирования и подчиненные центры»⁴. Соответственно социальный организм состоит из трех главных систем: «регулятивной», «производящей средства для жизни» и «распределительной».

Г. Спенсер различал следующие виды социальных институтов: институты родства (брак, семья); экономические (распределительные) институты; регулирующие институты (религия, политические организации). При этом многое в его рассуждениях об институтах выражено в функциональных терминах: «Чтобы понять, как организация возникла и развивается, следует понять необходимость, проявляющуюся в начале и в дальнейшем»⁵. Соответственно всякий социальный институт складывается как выполняющая определенные функции устойчивая структура социальных действий, которые, по Спенсеру, составляют первичный материал для социологических исследований.

Одним из важнейших методологических положений Спенсера, применительно к познанию социальных институтов, не потерявших своей актуальности до настоящего времени (в том числе и для института социальной работы), является вывод о необходимости двойственного подхода к институциональным образованиям, опирающегося, с одной стороны, на понимание характера эволюционного этапа развития последних и, с другой, на выявление их функций на данной стадии.

Рассмотрение социальных институтов в функциональном ключе продолжил Э. Дюркгейм. Он занимался анализом «структурного прошлого социальных институтов при определении области возможных структурных вариантов в будущем»⁶. В «Элементарных формах религиозной жизни» Э. Дюркгейм пишет, что в отличие от

---

⁴ Spencer H. First principles. P. 46.

⁵ Spencer H. The principles of ethic. N.Y., 1904. Vol. 1. P. 3.

⁶ Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemique en Australie. Paris. P.U.F., 1960. P.7.

распространенных в литературе взглядов на общество, как на нечто чуждое человеческой природе, он придерживается идей о позитивности общественных институтов, которые выступают важнейшим средством самореализации человека⁷.

М. Вебер считал, что социальные институты (государство, религия, право и т.п.) должны «изучаться социологией в той форме, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентируются на них в своих действиях»⁸. В отношении института социальной работы данный вывод классика как никогда актуален.

Логическим продолжением и развитием позитивистских и функционалистских построений О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма стал структурно-функциональный анализ Т. Парсонса и его последователей. В школе структурно-функционального анализа понятию социального института принадлежит одна из ведущих ролей. Т. Парсонс строит концептуальную модель общества, понимая его как систему социальных отношений и социальных институтов. Причем последние трактуются как особым образом организованные «узлы», «связки» социальных отношений. В общей теории действия социальные институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества. Институциональной структуре социума здесь придается важнейшая роль, поскольку именно она призвана обеспечить социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграцию⁹. Существенный вклад в развитие теории социальных институтов, в частности применительно к институту науки, сделал Р. Мертон¹⁰. Нормативно-ролевое представление о социальных институтах в разных его интерпретациях, изученное при помощи структурно-функционального анализа, на наш взгляд, является наиболее распространенным не только в западной, но и в отечественной социологической литературе.

---

⁷ Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. Le systeme totemique en Australie. P. 343-359

⁸ История социологии в западной Европе и США. М., 1993. С. 180.

⁹ Parsons T. Essays on sociological theory. N.Y., 1964. P. 231-232

¹⁰ Merton R.K. Sociology of science. N.Y., 1973.

В институционализме (институциональной социологии), как одном из направлений современной западной социологической теории, социальное поведение людей изучается в тесной связи с существующей системой социальных нормативных актов и институтов, необходимость возникновения которых приравнена к естественно-исторической закономерности¹¹. К представителям этого направления можно отнести С. Липсета, Дж. Ландберга, П. Блау, Ч. Миллса и др. Социальные институты с точки зрения институциональной социологии предполагают «сознательно регулируемую и организованную форму деятельности массы людей, воспроизведение повторяющихся и наиболее устойчивых образцов поведения, привычек, традиций, передаваемых из поколения в поколение. Каждый институт, входящий в определенную социальную структуру, организуется для выполнения тех или иных общественно значимых целей и функций»¹².

Таким образом, ретроспективный социологический анализ понятия и явления «институт» показал его актуальность для условий современной России. Процесс генезиса, становления и развития социальной работы как инновационного института вполне обоснованно может быть рассмотрен с точки зрения институциональной социологии. На наш взгляд, в России в основном проявляются общие мировые тенденции, характерные для процесса институционализации любых общественных явлений, в том числе и социальной работы.

---

¹¹ Осипов Г.В., Кравченко А.И. Институциональная социология // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 118-119.

¹² Там же. С. 118.

В.Т. Анисков

К социализму в одной стране: исходные методологические суждения

В предложенной реальной историей нашей страны небывалой задаче сфокусировались три исходных аспекта – стартово-временной, внутренне-возможный и международно-инвариантный. При этом все они органично замыкались на главном постулате о сущности самого понимания основ социализма и методов его строительства. По всем обозначенным в судьбе советской России проблемам не могло и не было единых представлений даже в самом руководстве ВКП(б) и государства. Хотя всех, казалось, объединяло одно – как можно скорее и даже ценой воспринимаемых жертв построить манящее небывало-народное общество на земле – без царя, без помещиков, без капиталистов, без угнетения социального, национального, правового и духовного. Иначе сама закономерная история страны и народа не могла бы дать всем оправдательный ответ на роковой для нее вопрос: неужто практически за одно немислимое 13-летие оказалось возможно втянуть самое великое на земле сообщество людей сразу в три небывалых войны и в три народных революции? Вовлечь и ничего не создать непреходяще нового!?

Даже при том, что номинально и изначально программы всех без исключения политических партий России вели речь о построении в конечном итоге социалистической формации, сущностью которой могли стать перечисленные выше блага. Для Ленина и большевиков в целом, больше других опиравшихся на марксизм, взятие власти в Октябре 1917 г. означало прямое начало приступа к социалистическому строительству одновременно или по мере решения общедемократических задач. Вынужденные интервенцией и гражданской войной, крайние меры для выживания типа военного «коммунизма» как ни тяжело отразились на возврате к главной стратегической цели, в реальной жизни они еще больше ее обнажили и обострили. Поэтому переход к нэпу выводил страну не

только к восстановлению порушенного семилетней войной, но и к реализации ленинского призыва «сделать из России нэповской Россию социалистическую». Причем не административными мерами, а путем победы социалистического уклада его же преимуществами. Первым «красногвардейским атакам на капитал» был поставлен заслон.

Как обижались за это на Ленина нетерпеливцы, которые со слезами рвали партбилеты и «ужасались», что «напоролись» на тех, с кем только что «сражались» насмерть! И как радовались другие в их надеждах вернуть необъятную страну на «круги своя»! Насколько опасен стал Троцкий, особенно после Ильича, с его взглядами так называемой «перманентной» мировой социалистической революции, согласно которой победа таковой в одной стране якобы неизбежно обречена и лучшая ее судьба, считал Давидыч, – сгореть, как связка хвороста, в пожаре раздутой ею мировой революции. Были поначалу и другие высокие оппозиционеры типа «левых» среди них в лице Зиновьева и Каменева, а затем и подобных «правых» из числа Бухарина, Рыкова и Томского. Но до 1926 г., когда еще завершались невыполненные задачи восстановительного периода и когда основные показатели в экономике на путях нэпа (включая сельскохозяйственное производство) все еще нарастали, хотя и замедлились, все оппозиционеры обычно действовали порознь, а то и боролись между собой.

Блоковый сдвиг, близкий к фракционности, определился к 1927 г. – 10-й годовщине Октября. Тому предшествовал целый каскад промежуточных антипартийных выпадов всех объединившихся вокруг Троцкого поименованных лиц. Конспиративные встречи и заседания, устная и публикуемая антипропаганда в связи с решениями проходивших партийных пленумов, конференций и съездов. С непримиримой ужесточенностью был встречен курс партийно-советского руководства на построение социализма в одной стране в условиях относительной стабилизации капитализма на Западе. Извращалась и отвергалась ленинская принципиальная постановка вопроса о категорической невозможности одновременной победы пролетарской революции в мировом масштабе в условиях империализма и потому о готовности к вооруженной защите победившей революции первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Догматически ссылаясь на давние высказывания К. Маркса середины XIX века, Троцкий писал и говорил: «Завершение социалистической революции в национальных рамках немислимо. Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете». И далее: «Указанная выше схема развития мировой революции снимает вопрос о странах «созревших» и «несозревших» для социализма... Поскольку капитализм создал мировой рынок, мировое разделение труда и мировые производительные силы, поскольку он подготовил мировое хозяйство в целом для социалистического переустройства» (Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин, 1930. С. 167-168).

Троцкистская схема мировой революции тем самым не видела разницы ни в целях, ни в движущих силах, ни в способах борьбы трудящихся, ни в методах строительства нового общества, например, для Англии, Германии, Китая или для стран Латинской Америки. В разъяснении Троцкого утрачивался даже сам смысл «перманентности», подмененной одновременной комплексностью революционных событий. То есть пролетариат и трудящиеся любой страны готовы и могут делать все одновременно – свергнуть власть буржуазии, устанавливать диктатуру трудящихся, осуществлять социалистические преобразования, обеспечивать победу национальной революции и сразу перебрасывать ее за пределы своей страны. Независимо от наличия революционной ситуации, от незревших этапов. Словом, все сразу или ничего. Так же, как у классических анархистов или народников типа Бакунина: революция – не дело народа, а волюнтаристский акт «революционно действующих лиц».

Осуждая тогда и ныне столь нереальные и очень опасные в продвижении политические взгляды Троцкого и стоявших за ним деятелей, вместе с этим будет принципиально ошибочно квалифицировать их как заведомо враждебные и с подобным умыслом целевым образом занесенные в ВКП(б). То есть, как уже долгие годы и с тех же времен зеркально противоположного толка политизированные лица тогда и теперь пытаются чуждо извратить «пломбиро-

ванный» приезд Ленина через Германию для «делания» революции в России в 1917 г. Даже если когда-нибудь и каким-либо достоверным образом будет подтверждено последнее, то и в этом случае мы не получим иного, чем новое ярчайшее подтверждение безысходного характера российской революции. Поэтому как минимум ошибочным будет и представление возвратившегося из США Троцкого после Февраля того же года для повторного вступления в РСДРП(б) в виде так называемого особого «агента влияния».

Защитим Льва Давидовича и согласимся с поныне бытующей информацией о выдающейся и даже несравнимой его роли в реализации ленинского плана по свержению Временного правительства в решающие Октябрьские дни. Хотя, как известно из воспоминаний самого Троцкого, именно в ночь на 25 октября он перенес эпилептический обморок – один из многих, преследовавших его с молодости. Совершенно не исключено, что столь тяжелое хроническое заболевание, связанное и с психикой, могло стать причиной соответствующего проявления личности. В.И. Ленин (это еще более известно) в «Письме к съезду», характеризуя деятельность Троцкого, отмечал его выдающиеся способности: «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК». Но тут же добавил: «Чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Любопытно в той же связи и суждение Зиновьева в «Правде» за 30 ноября 1924 г.: «Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам т. Троцкий, ибо на этой «платформе» буквально не остается места даже для единомышленников...». Подобное увлечение Льва Давидовича в так называемой «милитаризации» революции, страны, экономики, в том числе в личном форсировании создания культа собственного имени, нередко оборачивалось как крупными ошибками в политике, так и нескромными конфузами. Лишь два перла. Первый касался прямых и многократных притязаний Троцкого на признание его роли «второго вождя» Октября даже при жизни Ленина и, конечно, «первого лидера» вообще при Сталине после Владимира Ильича: «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня не было бы и Октябрьской революции, [другое] руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться» (Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С.84).

Или: еще в 1922 г. в Уставе Красной Армии, подготовленном, разумеется, под началом самого военного наркома, была помещена политическая биография о героизме, революционной и военной доблести командующего. Она заканчивалась тем, что «тов. Троцкий – вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики». Так что культ личности Сталина сложился не на пустом месте, но главное – не в «пришпоривании» мировой революции даже путем гибели своей, а в неимоверных усилиях по построению хотя бы экспериментального социализма первоначально в шестой части земной цивилизации. А в таком небывалом развороте тот же культ ведущего руководящего лица, которого и в помине еще не было у Сталина в 20-е годы, мог оказаться даже востребованным самой историей, например, в роковых для человечества сражениях с фашизмом. К этому мы еще вернемся.

Но в той же связи мы вовсе не склонны «подтягивать» опасность возникновения троцкизма к прямому резерву внутреннего и внешнего антисоветизма, хотя так или иначе и с последующим приростом «перерожденческих» сил он мог стать, даже невольно, одним из оснований так называемой «пятой колонны». И не только в СССР (об этом опять же в ином контексте). Тем более и взгляды, и действия самого Троцкого, особенно в эмиграции в начале 30-х годов, соответственно акцентировались. В статье о новом курсе в СССР в 1930 г. он писал: «Еще и еще раз мы решительно отказываемся от задачи построить в «кратчайший срок» национальное социалистическое общество. Коллективизацию, как и индустриализацию, мы связываем неразрывной связью с проблемами мировой революции. Вопросы нашего хозяйства решаются в конечном счете на международной арене». В 1933 г. Троцкий уже считал, что его единомышленники, которых, по его же информации, в СССР насчитывалось несколько тысяч, составят ядро новой, возрожденной ВКП(Б), а ее программой станет новая политическая революция в стране. А в 1936 г. следовало дальнейшее уточнение: «Речь идет не о простой замене одной команды руководителей другой. Речь идет об изменении самих принципов управления экономикой и культурой... Нужна вторая революция».

Так что дожил бы Л. Троцкий в самой России до 1937 г., ему наверняка не потребовался бы мексиканский 1940. Даже либерал

М. Горбачев, принесший несравнимые перемены стране, еще в 1988 г. говорил, что своевременно «необходимо было всенародно развенчать троцкизм, обнажить его антисоциалистическую сущность». Такого больше И. Сталина никто не сделал.

М.В. Афонин

Глобализация и международные конфликты

Глобализация стала важным аспектом современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих дальнейший ход развития цивилизации. Она затрагивает все области общественной жизни, включая экономику, политику, социальную сферу, культуру, экологию, безопасность и т.д.

В течение последних десятилетий выявился ряд источников глобализации.

Один из них – технологический прогресс, приведший к резкому сокращению транспортных и коммуникационных издержек, значительному снижению затрат на обработку, хранение и использование информации. Информационное обслуживание непосредственно связано с успехами в электронике – созданием электронной почты, Интернета.

Второй источник глобализации – либерализация торговли и другие формы экономической либерализации, вызвавшие ограничение политики протекционизма и сделавшие мировую торговлю более свободной. В результате были существенно снижены тарифы, устранены многие иные барьеры в торговле товарами и услугами. Другие либерализационные меры привели к усилению движения капитала и остальных факторов производства.

Третьим источником глобализации можно считать значительное расширение сферы деятельности организаций, ставшее возможным как в результате технологического прогресса, так и более широких горизонтов управления на основе новых средств коммуникации. Так, многие компании, ориентировавшиеся раньше толь-

ко на местные рынки, расширили свои производственные и сбытовые возможности, выйдя на национальный, многонациональный, международный и даже глобальный уровень.

Подобные структурные изменения укрепляют позиции таких компаний, увеличивают их прибыль, повышают производительность, что позволяет им выбирать источники сырья, открывать производство и осваивать рынки в других странах, быстро приспосабливаясь к меняющимся условиям. Практически все крупные предприятия располагают сетью филиалов или стратегическими союзами, которые обеспечивают им необходимое влияние и гибкость на рынке. В рамках подобных многонациональных корпораций в настоящее время осуществляется почти треть мировой торговли.

С появлением глобальных предприятий международные конфликты в значительной мере переместились со странового на фирменный уровень, и борьба завязывается не между странами за территориальные владения, а между фирмами за долю на мировом рынке. Некоторые усматривают в таких компаниях угрозу власти и автономии государства, однако, пока они сохраняют силу, государство может спокойно выполнять свои традиционные функции в мировой экономике и политике.

Более широкие перспективы открылись и перед неправительственными организациями, вышедшими, как и в случае с глобальными фирмами, на многонациональный или мировой уровень. Новую глобальную роль стали играть даже такие международные организации, как ООН, МВФ, Всемирный банк, ВТО.

Таким образом, многонациональные организации, как частные, так и государственные, превратились в основных действующих лиц глобальной системы.

В качестве четвертой причины глобализации можно отметить достижение глобального единомыслия в оценке рыночной экономики и системы свободной торговли. Начало этому было положено объявленной в 1978 г. реформой в Китае, за которой последовали политические и экономические преобразования в государствах Центральной и Восточной Европы и распад СССР. Этот процесс привел к идеологической конвергенции – на смену недавних противоречий между рыночной экономикой Запада и социалистической экономикой Востока пришло практически полное единство

взглядов на рыночную систему хозяйства. Основным результатом такой конвергенции стало решение бывших социалистических стран о переходе к рыночной экономике. Однако попытки такого перехода, особенно в бывшем СССР и странах Центральной и Восточной Европы, удались лишь частично.

Пятая причина кроется в особенностях культурного развития. Речь идет о тенденции формирования глобализованных «однородных» средств массовой информации, искусства, культуры, повсеместного использования английского языка в качестве всеобщего средства общения.

Частично из-за этого некоторые страны, особенно Франция и ряд других европейских государств, рассматривают глобализацию как попытку США добиться культурной, экономической и политической гегемонии. В сущности, они считают глобализацию новой формой империализма или новой стадией капитализма в век электроники. Другие видят в глобализации новую форму колониализма, при которой роль новой метрополии играют США, а ее колоний – большинство остальных стран, поставляющих туда не только сырье, как это было раньше, но и оборудование, рабочую силу, капитал и другие необходимые для производственного процесса компоненты, будучи одновременно частью глобального рынка сбыта.

Несомненно, глобализация содержит как позитивные, так и негативные аспекты. Ее позитивное влияние связано с эффектом конкуренции, к которой она неизбежно ведет, а негативное – с потенциальными конфликтами, которыми она чревата, хотя их можно избежать путем развития глобального сотрудничества на основе политических соглашений или создания новых международных институтов.

Как бы ни относились к глобализации ее противники и сторонники, нужно признать, что она уже явно изменила мировую систему, порождая новые проблемы, но и открывая новые возможности. Очевидно, что отмеченные выше тенденции технологического, политического, институционального, идеологического и культурного развития активизируют глобализационный процесс, который в будущем, видимо, ускорится.

Глобализация оказывает большое влияние, носящее многоаспектный характер, на экономику и политику всех стран. Она затра-

гивает производство товаров и услуг, использование рабочей силы, инвестиции в «физический» и человеческий капитал, технологии и их распространение из одних стран в другие. Все это в конечном счете отражается на эффективности производства, производительности труда и конкурентоспособности.

Глобализация вызвала обострение международной конкуренции. Конкуренция и расширение рынка ведут к углублению специализации и международного разделения труда, стимулирующих, в свою очередь, рост производства не только на национальном, но и на мировом уровне.

Еще одно преимущество глобализации – экономия на масштабах производства, что потенциально может привести к сокращению издержек и снижению цен, а следовательно, к устойчивому экономическому росту.

Преимущества глобализации связаны также с выигрышем от торговли на взаимовыгодной основе, удовлетворяющей все стороны, в качестве которых могут выступать отдельные лица, фирмы и другие организации, страны, торговые союзы и даже целые континенты.

Глобализация может привести к повышению производительности труда в результате рационализации производства на глобальном уровне и распространения передовой технологии, а также конкурентного давления в пользу непрерывного внедрения инноваций в мировом масштабе.

В целом преимущества глобализации позволяют улучшить свое положение всем партнерам, получающим возможность, увеличив производство, повысить уровень заработной платы и жизненные стандарты. Конечным результатом глобализации должно стать общее повышение благосостояния в мире.

Но глобализация несет с собой не только преимущества, она чревата негативными последствиями или потенциальными проблемами, в которых некоторые ее критики усматривают большую опасность.

Одна из основных проблем связана с вопросом, кто оказывается в выигрыше от глобализации. Фактически основную часть преимуществ получают богатые страны или индивиды. Несправедливое распределение благ от глобализации порождает угрозу кон-

фликтов на региональном, национальном и интернациональном уровнях.

Некоторые оппоненты говорят о возможности глобальной конвергенции доходов, аргументируя это тем, что экономика бедных государств развивается более высокими темпами, чем богатых. На самом же деле быстрый рост характерен лишь для небольшой группы стран Юго-Восточной Азии («азиатских тигров»), тогда как наименее развитые в экономическом отношении страны отличаются гораздо более низкими темпами роста, чем богатые государства. Их выгоды от глобализации минимальны.

В результате происходит не конвергенция или выравнивание доходов, а скорее их поляризация. В процессе ее быстроразвивающиеся страны входят в круг богатых государств, а бедные страны все больше отстают от них. Растущий разрыв в доходах вызывает недовольство с их стороны, чреватое международными конфликтами, поскольку государства стремятся присоединиться к клубу богатых стран и готовы бороться с ними за свою долю в мировом производстве.

Вопрос распределения преимуществ является одним из важнейших в процессе глобализации.

Вторая проблема связана с потенциальной региональной или глобальной нестабильностью из-за взаимозависимости национальных экономик на мировом уровне. Локальные экономические колебания или кризисы в одной стране могут иметь региональные или даже глобальные последствия. Такая возможность носит не только теоретический характер, а является вполне реальной, что подтверждает финансовый кризис в Азии, начавшийся летом 1997 г. в Таиланде, а затем перекинувшийся на другие страны Юго-Восточной Азии, дойдя и до Южной Кореи. Подобные явления свидетельствуют о большой уязвимости взаимосвязанных экономик.

Мировой спад или депрессия способны повлечь за собой призывы разорвать взаимные связи и зависимости, созданные в ходе глобализации, как это произошло во времена Великой депрессии 30-х годов в США. Результатом может стать экономический конфликт с угрозой превращения в экономическую войну или даже военное столкновение.

Третий круг порождаемых глобализацией проблем вызван опасением, что контроль над экономикой отдельных стран может перейти от суверенных правительств в другие руки, в том числе к наиболее сильным государствам, многонациональным или глобальным корпорациям и международным организациям. В силу этого некоторые усматривают в глобализации попытку подрыва национального суверенитета. По данной причине глобализация может вызвать у национальных лидеров чувство беспомощности перед ее силами, а у электората – антипатию к ней. Такие настроения могут легко перейти в крайний национализм и ксенофобию с призывами к протекционизму, повлечь за собой рост экстремистских политических движений, что потенциально чревато серьезными конфликтами.

Иногда в разряд издержек глобализации относят безработицу в экономически развитых странах с высоким уровнем заработной платы. Но это утверждение опровергается низкой нормой безработицы во многих из них и ее высоким уровнем в государствах с низкой заработной платой. Национальная политика и технологический прогресс являются более важными детерминантами занятости, чем факторы глобализации.

С глобализацией увязывают и миф о том, что она угрожает социальному благосостоянию некоторых стран, однако значительно большее влияние на эту сферу оказывают другие факторы – налоговая политика и демографические тенденции.

В обоих случаях глобализация обычно используется для оправдания провалов в национальной политике тех или иных государств.

Важно отметить, что экономические аспекты являются лишь одним компонентом результатов глобализации, которая имеет последствия и неэкономического характера, сопряженные с огромными рисками, потенциальными издержками и даже возможностью катастрофы. Одной из таких областей является сфера безопасности, где глобализационные процессы могут привести к возникновению конфликтов. Другая область – это политические кризисы, способные перерасти из локальных в крупномасштабные события, а если их вовремя не устранить, то привести к катастрофе. В качестве третьей сферы можно назвать экологию и здравоохранение. Глобальные взаимосвязи чреватые и глобальными эко-

логическими бедствиями, связанными, например, с всеобщими потеплением и изменением климата, широкомасштабными эпидемиями.

Каким может быть "чистый" результат глобализации, если учитывать все ее плюсы и минусы? Ответ на этот вопрос в решающей степени зависит от характера мировой системы. Если мир охвачен конфликтами, то глобализация будет иметь, видимо, абсолютно негативные последствия. И наоборот, если мир стремится к сотрудничеству, глобализация принесет лишь положительный результат. Задача состоит, таким образом, в том, чтобы по окончании холодной войны и в условиях усиления глобализационных процессов создать такую мировую систему, которая позволила бы извлечь из глобализации максимальный положительный эффект, снизив до минимума ее издержки. Основой такой системы может стать сотрудничество между странами и динамичные инновации в этой области, включая формирование новых международных институтов.

Новая мировая система создается в изменившейся ситуации, в условиях идеологической конвергенции, усиливающихся интеграционных процессов, попыток перехода бывших социалистических стран к демократии и рыночной системе хозяйства. Запад же, со своей стороны, оказался не в состоянии сформировать структуры, подобные тем, что были созданы после второй мировой войны для помощи странам Европы (ГАТТ, Всемирный банк, МВФ, план Маршалла и др.), чтобы вовлечь Россию и другие бывшие советские республики, а также страны Центральной и Восточной Европы в мировую экономическую и политическую систему. В некоторой степени отношение Запада к России в настоящее время скорее напоминает отношение к Германии после первой мировой войны, чем после второй. Расширение НАТО является, видимо, самой серьезной ошибкой в период после холодной войны. Этот шаг изолирует Россию, вряд ли способствует укреплению безопасности европейских стран, зато вовлекает их в колоссальные расходы.

В целом решение экономических, политических и прочих проблем глобализации потребует реальных усилий по развитию сотрудничества всех крупных государств, особенно стран ЕС, США, Канады, Японии, России, Китая, Индии, Бразилии и др. Необходимо модернизировать действующие или создать новые институты, имеющие глобальные перспективы и наделенные полномочиями

принимать решения наднационального характера и следить за их исполнением, соблюдая одновременно требования прозрачности и подотчетности своих действий.

Посмотрим, каким образом глобальное сотрудничество и новые международные институты могут решить некоторые проблемы, которые были представлены в качестве издержек глобализации.

Первая группа проблем, как уже отмечалось, касается распределения преимуществ от глобализации внутри стран и между ними. Эти вопросы должен решать международный институт на базе глобального сотрудничества. Он мог бы, к примеру, облагать страны, получающие наибольшие выгоды от глобализации, особым налогом, используя эти поступления для оказания финансовой и технической помощи тем, кто проигрывает от глобализации.

Фактически нечто подобное, хотя и бессистемно, уже делается. В частности, Международная ассоциация развития предоставляет бедным странам кредиты на более льготных условиях, чем Всемирный банк. Однако это должно происходить не от случая к случаю, а на регулярной основе, для чего потребуются создать новый институт или изменить характер работы Всемирного банка. Богатые страны должны поддержать подобную инициативу как средство достижения глобальной стабилизации.

Следующий круг проблем связан с хрупкостью международной экономической системы, что приводит к взаимозависимости стран. В ответ на это необходимо усилить международное сотрудничество, создать новые институты или расширить полномочия действующих, например МВФ. Он не раз играл ведущую роль в оказании помощи странам, переживающим дестабилизацию, например, Аргентине в период финансового кризиса 1998 г.

Чтобы заручиться гарантиями против подобных рисков, нужно значительно увеличить ресурсы МВФ, которые растут гораздо медленнее, чем международные финансовые операции. Международное сотрудничество могло бы привести к использованию так называемого налога Тобина – небольшого налога на валютные операции, который должен сыграть важную роль в ограничении дестабилизирующих валютных спекуляций и одновременно стать источником финансирования международных организаций.

Третья порождаемая глобализацией проблема – ущемление национального суверенитета и независимости политических лидеров – также во многом может быть решена на базе международного сотрудничества, например, путем четкого разграничения полномочий сторон, т.е. национальных правительств и их лидеров, с одной стороны, и международных организаций и многонациональных или глобальных корпораций – с другой. Уже само участие политических лидеров в создании необходимых институтов, занимающихся этими и другими проблемами, связанными с глобализацией, поможет им вернуть ощущение, что они управляют своим будущим и контролируют свои позиции в глобализованном мире.

Сотрудничество между странами и международными организациями могло бы быть полезным для решения и ряда других проблем, в том числе регулирования глобально интегрированных рынков капитала, торговли информационными услугами (которая, как полагают многие, будет расти очень быстрыми темпами), а также рынка рабочей силы.

В целом существует много возможных путей сотрудничества для решения проблем глобализации: усиление действующих международных институтов; формирование новых, подобных, например, Всемирной торговой организации, обладающей механизмом наднационального характера для урегулирования спорных вопросов; создание более широких объединений типа ЕС или менее формальных органов типа «Большой восьмерки», региональных структур подобно Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

В заключение еще раз подчеркнем, что глобальное сотрудничество на основе создания формальных или неформальных международных институтов представляет важный механизм для решения конфликтов, порождаемых процессом глобализации. С его помощью можно достичь стабильности в глобализованном мире, прийти повсеместно к экономическому росту, ускорить развитие наиболее бедных государств, а также решить проблемы глобализации, носящие неэкономический характер.

Л.А. Бухарин

Политические настроения в ярославской деревне в конце гражданской войны

В краеведческой литературе традиционно говорится о тяжелом и сложном положении ярославской деревни в конце 1920 г. С явным преувеличением и искажениями показана ситуация в «Истории Ярославского края»: «Разорение крестьянского хозяйства, массовое дезертирство и бандитизм, недоверие крестьян к правящей партии коммунистов ярко характеризуют ситуацию, в которой оказалась ярославская деревня к концу гражданской войны»¹. Далее утверждается, что экономическая политика государства носила антикрестьянский характер и это усиливало их антисоветские настроения.

Объективный анализ фактов не подтверждает эти утверждения. Уездные и волостные беспартийные крестьянские конференции, проходившие в 1920 г., отмечали, что «отношение масс к РКП(б) больше, чем удовлетворительное» (Рыбинский уезд), «среди крестьянских масс произошел громадный сдвиг в нашу сторону и все попытки кулацкого элемента дискредитировать партию и Советскую власть встречают энергичный отпор от середняков и бедноты» (Мологский уезд). В отчете о Даниловской конференции говорилось, что все недоразумения между органами Советской власти и крестьянством устранены, население жаловалось на большие наряды на хлеб, мясо, картофель и другие продукты, но выполняло их успешно².

Дезертирство, широко распространенное в 1919 г. и вызвавшее ряд крупных восстаний на севере Ярославской губернии, в 1920 г. резко снизилось, а зажатые в лесах остатки бандитских групп уже

---

¹ История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2000. С. 310.

² ЦДНІЯО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 83. Л. 4; Д. 84. Л. 2; Д. 88. Л. 4.

не представляли серьезной опасности. Свыше 60 тыс. ярославских крестьян служили в этот год в Красной Армии.

Анархические, антигосударственные настроения части крестьян, характерные для 1918 – 1919 гг., в основном были преодолены. Немалую роль в этом сыграло и создание густой сети волостных и сельских партийных ячеек большевиков, насчитывавших более 2200 крестьян. Большой популярностью в конце 1920 г. пользовались культурно-просветительные учреждения: 125 народных домов, 504 культурно-просветительных кружка, свыше 2 000 библиотек, 1 312 изб-читален.

Антикоммунистических организаций (эсеровских) в уездах Ярославской губернии в конце 1920 г. не зафиксировано³.

Следствием всего этого было то, что на рубеже 1920 – 1921 гг. антисоветских крестьянских мятежей в Ярославской губернии не было.

На наш взгляд, в местной краеведческой литературе преувеличивается тяжесть экономического кризиса ярославской деревни. Посевы в 1920 г. сократились на 32% от уровня 1913 г. (а не на 2/3, как сказано в «Истории Ярославского края»)⁴, но наибольшее сокращение произошло за 1914 – 1917 гг. (на 22%), а в годы гражданской войны посевы ржи выросли на 19%, а пшеницы – на 59%. Правда, существенно сократились посевы технических рыночных культур: льна (на 28,6%) и картофеля (на 30,3%). Происходила натурализация сельского хозяйства⁵.

Значительно меньше было сокращение поголовья лошадей и молочного скота (соответственно до 93,5% и 94,4% от данных переписи 1916 г.), несмотря на мобилизацию лошадей для Красной Армии и наряды на мясо по продразверстке.

Таким образом, ярославские крестьяне сохранили в условиях гражданской войны основы своего хозяйства и выполняли повинности по продразверстке. По наблюдениям тогдашних агрономов, в Ярославскую деревню вернулось значительное количество крестьян, прежде занимавшихся в торговых заведениях Петрограда и Москвы. Они охотно расширяли свое хозяйство, но испытывали зна-

---

³ ЦДНІАЮ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 83. Л. 1.

⁴ История Ярославского края. С. 295.

⁵ Шевяков С.П. Ярославская деревня в период перехода к нэпу // Ученые записки ЯГПИ, 1958. Вып. XXV, гуманитарные науки. С. 410.

чительные трудности в связи с нехваткой инвентаря и особенно семян⁶.

За годы гражданской войны в 2 раза сократилось число беспосевных дворов (с 13,9% до 7,5%), существенно уменьшилось число бескоровных хозяйств (с 17,2% до 12,7%). Подавляющее количество крестьянских хозяйств были однолошадными, однокоровными и имели посевы до 2 десятин (рост с 52,8% до 75,2%)⁷. Эти хозяйства не могли сильно страдать от подразверстки, и это существенно влияло на политические настроения ярославской деревни в конце гражданской войны.

Вместе с тем, крестьяне защищали свой жизненный уклад, свое право самим распоряжаться землей и своим хозяйством. Поэтому они выступали против попыток власти командовать, навязывать такие формы хозяйствования, которые ими не проверены.

Такой попыткой диктата было решение 8 Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) о значительном расширении посевных площадей методами военного коммунизма. Съезд предписал повсеместно, в губерниях, уездах и волостях, создать посевкомы, при сельсоветах должны избираться селькомы. Эти органы должны были добиться расширения посевов, обеспечения нуждающихся крестьян семенами, инвентарем, организовать общественную обработку земли безлошадным и красноармейским хозяйствам. Губпосевком разработал план засева ярового клина в количестве 218 тыс. десятин. Этот план далее был разверстан по уездам, волостям и селениям.

Уже выборы в волостные посевкомы и селькомы встретили сопротивление крестьян. Эти органы должны были произвести учет рабочего скота, семян, инвентаря, и часть крестьян опасалась, что после учета излишки зерна у них заберут в счет подразверстки. Поэтому в ряде мест крестьяне отказывались расширять посевы и избирать селькомы.

Беспартийная конференция Тутаевского уезда решила не избирать комитеты⁸. Отказались от выборов крестьяне 5 волостей Ростовского уезда: «Селькомов нам не надо, оставьте нас работать так,

---

⁶ Ярославский кооператор. 1919, № 22

⁷ Экономическое расслоение крестьянства в 1917-1919 гг. // Труды ЦСУ. Т. VI. Вып. 3. М., 1923. С. 9, 12, 18.

⁸ ЦДНИАО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3888. Л. 10.

как мы работали раньше»⁹. Враждебное отношение к выборам селькомов отмечалось в ряде волостей Угличского и Мологского уезда. В Даниловском, Ростовском и Ярославском уездах часть крестьян отказывались принять план посева, заявляя, что «не видят в нем никакой пользы». С большим трудом проходил и учет семян, так как крестьяне отказывались давать сведения о количестве семян в хозяйстве. В деревне нарастала напряженность, росло недовольство, отмеченное информаторами¹⁰.

25 февраля 1921 г. губком РКП(б) констатировал, что беспартийные конференции в Даниловском, Любимском, Тутаевском и Ярославском уездах прошли неудовлетворительно. Делегаты выдвигали вопрос об организации крестьянского союза, отрицательно относились к трудовым повинностям и посевной кампании. Было решено усилить организационную работу по проведению выборов, решительно бороться с должностными преступлениями и активизировать деятельность губчека по выявлению агитаторов – интеллигентов, разлагающих массу¹¹.

Решения X съезда, объявившего введение нэпа, привели к снятию напряженности в деревне. Уже 19 марта губком принял план по разъяснению итогов X съезда, в деревню для агитации среди крестьян направлено свыше 100 коммунистов. За три последующих месяца в Ярославской и Рыбинской губерниях было проведено около 1900 собраний и митингов.

Вопрос о продналоге стал основным на беспартийных конференциях. Делегаты-крестьяне приветствовали замену разверстки продналогом и заявили, что уже весной 1921 г. увеличат посевы, но просили усилить снабжение сельхозинвентарем и организовать его ремонт.

Изменение в настроении крестьян ярко показал отчет Ярославского губпосевкома: «В отношении крестьян к посевкам в апреле-мае произошел резкий перелом. Видевшие в посевках зло, крестьяне после замены разверстки продналогом стали смотреть на них как на необходимое, полезное учреждение»¹².

---

⁹ ЦДНІАЮ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 119. Л. 40.

¹⁰ ЦДНІАЮ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 156. Л. 70.

¹¹ ЦДНІАЮ. Ф. 1, Оп. 4. Д. 4. Л. 17

¹² ГАЯО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3882. Л. 67.

Бедняцкие и красноармейские хозяйства получили от государства свыше 300 тыс. пудов семян. По кузницам было распределено большое количество железа и угля. Для ремонтных работ в деревню было направлено около 500 рабочих. В «неделю красного пахара» были проведены субботники на землях красноармейских и безлошадных хозяйств.

По сравнению с 1920 г. яровые посеы в 5 уездах Ярославской губернии увеличились на 9,8% (рост по всем культурам, кроме картофеля), в Рыбинской губернии рост на 9,5% (хотя планы посева были невыполнены из-за недостатка лошадей и семян).

Осенью 1921 г. ярославские крестьяне получили хороший урожай хлеба, картофеля, овощей. Это позволило успешно выполнить продналог и серьезно помочь голодающему населению Марийской и Вотской автономных областей.

Информационные сводки ВЧК свидетельствовали об удовлетворительном и хорошем настроении крестьян и рабочих весной и летом 1921 г.¹³

Ярославское крестьянство, как и крестьяне соседних верхневолжских губерний, оказались надежным союзником и прочной опорой Советской власти в то время, когда совершался необходимый и трудный переход от гражданской войны к новой экономической политике.

Йоганнес Вайс

Глобализация как/или американизация? Взгляд из Европы

---

*Перевод с английского:
И.Ю. Киселев, С.А. Кудрина*

---

¹³ См.: выдержки из донесений губчека: Анисков В.Т. Россия революционная, красно-белая, нэповская. Ярославль, 2005. С. 92-93.

✓ Предварительные замечания

«Глобализация – пугающее слово со смутным значением. Оно появилось в 1960-х годах, а в 90-е стало еще более популярным» (M. Wolf, 2004, 13; со ссылкой на статистику Волфганга Райнике). Публикаций по «глобализации» множество, их количество растет, но среди них вряд ли найдется такая, в которой не подвергалась бы сомнению ясность и определенность самого термина. Даже при отсутствии конкретизации значения данного термина и при утверждениях о его бесполезности в научных исследованиях (см.: Z. Baumann, 1997, 316) никто, тем не менее, не может удержаться от его применения: о феномене глобализации пишут, говорят с различных точек зрения – как позитивно, так и критически.

Я полагаю, что этот феномен существует в действительности, что мы все-таки говорим не о чем-то фиктивном, не о каком-то призраке, выдуманном влиятельными теоретиками или идеологами, преследующими только свои собственные интересы, или/и радикальными критиками культуры, представляющими различные и даже противостоящие друг другу политические группировки. На первый взгляд и при первом приближении упомянутый феномен легко идентифицировать, в целом определить его контуры, но он оказывается чрезвычайно сложным при более тщательном рассмотрении его измерений, движущих сил, проявлений и последствий. Таким образом, необходимо отличать термин от самого феномена. Далее я буду говорить именно об этом различии, игнорирование которого, на мой взгляд, создает много путаницы как в восприятии и объяснении, так и – более всего – в критической оценке. Часто – причем чаще в Европе, чем в США, а в Азии, Африке и Южной Америке чаще, чем в Европе, – процесс глобализации воспринимается, объясняется и подвергается критике как одна из составляющих процесса американизации. В некотором отношении это не только вполне объяснимое и удобное упрощение: это также и неверное толкование, искажающее сущность и таким образом способное привести только к неверным выводам, как теоретическим, так и политическим.

На мой взгляд, для поддержки аргументации последующих размышлений было бы весьма полезно начать с (третьего) термина, который несколько десятилетий назад, по меньшей мере, частично

обозначал именно то, что сегодня называют «глобализацией». Это «европеизация». Здесь нам поможет толкование данного термина М. Хайдеггером.

✓ **Европеизация**

В своей последней рукописи Хайдеггер писал: «Нам нужно глубоко задуматься над тем, есть ли еще Родина у технологически единообразной мировой цивилизации» (*Denkerfahrungen*, 187). То, что Мартин Олброуз называет «глобальной эрой», и есть, выражаясь языком Хайдеггера, «эра технологически единообразной мировой цивилизации». Как отмечает Хайдеггер в «Руководстве по метафизике» (р. 28), перед лицом такого единообразия, «метафизически говоря, равны друг другу» Россия и Америка, коммунизм и капитализм. И даже фашистский национал-социализм после известного промежуточного периода развития представляется ему как эскалация «того же самого»: «Одна и та же мрачная технология, безграничная и беспочвенная организация посредственных человеческих существ, опустошение мира, оскудение религиозности, разрушение земли, превращение людей в массы, повсеместная, полная ненависти, подозрительность ко всему творческому и свободному» (*loc. cit.*, 29).

Глобальность означает, прежде всего, исчезновение дистанции – сначала во времени и пространстве, а затем и в сфере социальных и ментальных различий: «Протяженность времени и пространства начинает сжиматься» (*Vorträge und Aufsätze*, 157 f.; cf *Einführung*, 29), «все оказывается равно отдаленным и близким, и теперь ничего нет между». С исчезновением дистанции начинает исчезать и близость, а с ней – живая диалектическая взаимосвязь между ними. Существует глобальная тоталитарная тенденция к доминированию калькулирующего мышления в планетарном и даже космическом масштабе. Еще до первого полета русских в космос уже не было, как говорил Хайдеггер, ни Земли, ни Небес – эти понятия нужны были известному поэту только для того, чтобы «жить на Земле поэтически»: «Ракеты лишь технологически закрепили и обратили во вселенский принцип тот нарастающий вызов природе, который устанавливался в течение трех столетий». Полеты ракет привели к тому, что о Земле и Небесах забыли. Осталось нечто промежуточное – ни то, ни другое» (*Denkerfahrungen*, 84).

Эта перемена стала не началом новой эры, а всего-навсего «окончательным завершением» того, что уже давно существовало.

Калькулирующее мышление также тоталитарно и способствует глобализации; оно создает единообразие, однако, объективируя все живущее, включая человеческую экзистенцию, оно в то же время все это субъективирует и низводит до махинаций, загоняя в рамки. В этой связи уже в 1967 г. Хайдеггер (*Die Herkunft der Kunst und die Bestimmung des Denkens*) упоминает не только «дробление атомов» в ядерной физике, но также и «биохимию, проникшую в генную структуру человеческого ядра», и говорит о преобладании «определенного мировоззрения», формирующего новое, научно-технологическое, поколение людей» (loc. cit., 143). В работе, написанной в 1942 г. (*Seinsverlassenheit und Irrnis*) и впервые опубликованной в 1951 г., Хайдеггер отмечает, что люди стали «самым важным сырьем» для самих себя и что в будущем появятся «фабрики по производству человеческого материала».

Эту тенденцию к единообразию Хайдеггер не называет ни «мировой цивилизацией», ни глобализацией, ни американизацией, ни доминированием западной культуры. Он предпочитает говорить – весьма осознанно – о «полной европеизации Земли и человечества». Одна из частей открытого письма, адресованного Тахекито Коджима, озаглавлена так: «Что означает европеизация мира?». Почему, формулируя свои мысли, Хайдеггер использует именно такой язык?

По всей видимости, он хочет дать понять: то, что происходит, ни необходимо, ни рационально в том смысле, в каком классические теории и телеологии истории понимали необходимость и рациональность исторического пути. Для Хайдеггера мировая цивилизация фатальна и, как сейчас принято говорить, «зависит от обстоятельства». (Это не должно было произойти именно так, этого вообще не должно было случиться, все должно было быть совсем по-другому).

В определенное время, в определенном месте на земле, а именно в философском мышлении древних греков, началось движение, которое позднее – уже существенно более радикально и динамично – охватило современную философию и науку, особенно в Европе. Когда для некоторых европейских мыслителей стали оче-

видны деструктивные последствия этого процесса, было уже «слишком поздно».

✓ **Американизация**

Вряд ли в современном мире существует какое-то сопротивление европеизации в хайдеггеровском смысле – за исключением маленьких карманов европейской интеллигенции (в них по-прежнему романтическая критика в духе «отрезвления мира», как и у самого Хайдеггера).

И в противоположность этому – совсем другой процесс: дальнейшее развитие организованной науки, технологии и тех образовательных, исследовательских и стратегических институтов, которые обслуживают направления, являющиеся, по убеждению правительств и национальных элит, приоритетными в политике и культуре.

Даже если допустить, что современная наука и связанная с ней технология (в широком смысле – от доброй старой машинной технологии к информационной и организационной технологии) случайны не только в историческом и национальном отношении, но также и в смысле значимости, они все же – *rebus sic stantibus* – необходимы и не имеют себе равных. Это связано с их когнитивной и технической (и, следовательно, с экономической и военной) эффективностью. Несомненно и то, что данные формы знания, использования и упорядочивания мира *верифицируемо* общезначимы и могут быть применены и в дальнейшем развиты каждым – то есть они не просто претендуют на универсальную валидность, но и фактически обладают ею.

С термином «американизация» дело, похоже, обстоит совсем иначе. Этот термин почти всегда используется в негативном смысле, только для того, чтобы описать разрушительный и совсем не желательный процесс. Он означает то, что ранее – оценивая определенные продукты, но также и по определению *pars pro toto* – подразумевали под «кока-колонизацией» или «макдонализацией»: при соприкосновении с продуктами американской (США) экономики и поп-культуры во всем мире происходит наложение, подавление и, в конечном счете, разрушение всех индивидуальных социальных и культурных проявлений и ценностей и их связей с собственными традициями.

Этот процесс обычно объясняют первенством экономического потенциала Соединенных Штатов и необходимостью абсолютной политической и военной власти США для поддержания и защиты этого первенства. Почему этот гневный народ и американизацию считают невыносимой и неблагоразумной? Потому что определенные формы жизни (особенно повседневности и массовой культуры) все более и более доминируют, подавляя и в конечном счете разрушая остальные – не потому, что они лучше или гуманнее, как говорят те, кто выступает в их поддержку, а просто потому, что у них есть власть: доминирование на рынке со всем своим инструментарием и политическая и военная мощь для поддержания этого доминирования в случае необходимости. И распространение данной формы жизни осуществляется не только через продукты и разного рода товары, но и через сопутствующее укрепление целостной инфраструктуры, начиная с технологических и организационных процедур и заканчивая формами коммуникации, ценностями и даже общими мировоззренческими ориентациями.

Американизация, таким образом, зачастую интерпретируется как проблема власти и культурной колонизации, подавления и разрушения многообразия существующих на земле культур в пользу одной-единственной, причем далеко не самой требовательной. Этой логикой увлеклись настолько, что недавно стали считать, будто бы за американизацией может в будущем последовать японизация мира, хотя в настоящее время более вероятна его китаизация. Вот здесь и обнаруживается фундаментальная несостоятельность подобного образа мысли и критики: нет достаточной дифференциации между частными, случайными элементами, факторами и функциями сверхвласти, с одной стороны, и элементами или измерениями, которым, по меньшей мере, вначале, нельзя было отказать в универсальной значимости, – с другой. Таким образом, идея индивидуальной автономности, в общем, и идея прав человека, в частности, приравниваются к кока-коле и гражданской войне настолько, что они рассматриваются как средства, используемые для утверждения гегемонии США не только мусульманскими фундаменталистами, но также и (экономически весьма успешно) азиатскими политиками или российскими интеллектуалами (социологами и философами). Еще более распространены (и в определенной степени более понятны) попытки приравнять глобальный капитализм как таковой к его

американской форме, хотя, *по сути*, он бы не изменился, если бы центр глобального рыночного могущества переместился в Восточную Азию.

В такой ситуации можно ожидать также критики американской гегемонии в области естественнонаучных исследований и во многих сферах развития технологий, поскольку и здесь США явно доминируют, и будут доминировать в обозримом будущем. Почему эта критика не получила развития, нам уже известно. Это те сферы, в которых существует исключительный глобальный консенсус: вне всякого сомнения, знание должно быть универсальным и общезначимым – по меньшей мере, до тех пор, пока оно полезно.

✓ Глобализация и универсализация

Таким образом, обнаруживается самое важное в динамике и интерпретации/оценки глобализации как американизации различие, которым систематически пренебрегают. Это различие между *quaestio facti* и *quaestio juris*, связанными с глобализацией, то есть между поиском фактов и фактическими причинами этого процесса, с одной стороны, и поиском его значения и легального обоснования – с другой. Такая дифференциация была бы возможна, если бы она осуществлялась по отношению к событиям глобализации *извне*, например, при исследовании и обсуждении эмпирически проверяемых и объясняемых процессов с нормативной точки зрения – будь то религиозной, политической и/или нравственной – что в этом феномене хорошо, что плохо и каковы его последствия. Фактически, однако, нет необходимости во введении подобного различия *извне*, поскольку оно всегда было существенным элементом самохарактеристики рассматриваемого процесса и играло существенную роль в определении динамики его конфликтности.

Обратившись к современной *критике* глобализации, можно легко понять, что здесь имеется в виду. Борьба за глобальную экспансию, ее осуществление, использование соответствующих транспортных ресурсов и средств коммуникации не являются в данном контексте решающими, но несомненно то, что – по меньшей мере, значительно – используются (и *должны* использоваться) доказательства и объяснения ее универсального признания и обоснованности. Глобализация, движущая сила которой связана с особой властвующей элитой и ее корыстными интересами, находится

бок о бок с мировым коммуникационным сообществом, основанным на универсальных, доступных для всех идеях и ценностях. Вторая сторона, то есть протагонисты экономической глобализации, также поддерживает подобные идеи и ценности, и этот факт усложняет дело, но вместе с тем он показывает, что эта дифференциация между продолжающейся глобализацией погони за выгодой и преследования корыстных торговых интересов и тем, что мотивировано не чем иным, как „zwanglosen Zwang of the better argument” (Хабермас), является неотъемлемой частью всего процесса развития. То же самое можно сказать и о расширении данной дихотомии в трихотомию, которая, если касаться вопросов продукции, может быть описана следующим образом:

– Продукты, которые могут употребляться всеми, но не должны.

– Продукты, которые следует с необходимостью использовать всем (универсалистские или универсализирующие идеи, институты и т.д.).

– Продукты, подлинное значение которых лежит в их особенности или единичности и которые теряют это особое значение в результате деконтекстуализации, циркуляции и широкого распространения.

Какие продукты к каким категориям относятся, не предрешено. Так, не существует даже соглашения о необходимости принципиального различия между кока-колонизацией (1.) и давлением прав человека или современной науки (2.) Еще более спорным является вопрос о том, к чему отнести культурное или личное самоутверждение (3.) и какова степень его необходимого самоограничения. Однако разрешение упомянутых трудностей не должно стать основанием для отказа от различий как таковых: это результат и достижение современной культуры, так же как и сама нерешаемость порожденных ею проблем.

✓ Отступление

Здесь я осторожно добавлю следующую ремарку. Возможно, в том, что обозначается термином «американизация», скрыт универсалистский элемент, природа которого ни в нормативности, ни

(как, к примеру, в случае современной науки и технологии или современного рационального капитализма) в общей человеческой рациональности. США возникли как политическое и культурное сообщество, в котором люди должны объединиться как равные. Это не только причина для особого уважения универсалистских (моральных и правовых) принципов. Это также способствовало ряду культурных нововведений, которые были приняты и использованы людьми разного происхождения и различных культур как-то по-особому легко и с удовольствием – по той простой причине, что эти изобретения соответствовали элементарным потребностям человеческой природы (на уровне телесности и чувственности). Что касается продуктов питания, которые расходятся по всему миру, таких, как гамбургеры и кока-кола, то наше предположение находит очевидную поддержку в соответствующих исследованиях в области физиологии и диетологии (в которых, возможно, есть подобные выводы и относительно итальянской пасты). Однако я не собираюсь идти дальше и рассуждать о поп-музыке или глобальном культе тела.

✓ Взгляд из Европы?

«Тот, кто унаследовал современную европейскую культуру, неизбежно и вполне оправданно обратится к общей исторической тематике с таким вопросом: что за комбинация обстоятельств привела на Западе, и только на Западе, к возникновению множества явлений, которые выстроились (по меньшей мере, как мы это себе представляем) в одну линию *универсально* значимого и действительного развития?» (Weber, 1947, 1). С этого предложения начинается предисловие Вебера к труду *Gesammelten Aufsätzen zur Religionssoziologie*. Сто лет спустя наследники не только европейской культуры, но и всех культур столкнулись с необходимостью прояснить взаимосвязь между культурной уникальностью и культурной универсальностью. Для современных интеллектуальных кругов Европы еще более сомнительна, чем для Вебера, мысль об идентичности того, что в европейской культуре уникально, и того, что универсально. Представители этих кругов, а также некоторые социологи и философы (Хабермас – один из самых известных среди них) склоняются к убеждению, что опасности евроцентризма (или даже «евронационализма», J. Galtung) можно избежать, если

Европа создаст свою собственную культурную идентичность исключительно на основе жестких универсалистских принципов и утвердит в мире свое весомое значение (ср. дебаты о возможном вступлении Турции в Евросоюз).

Эта позиция представляется мне неверной и нереалистичной. Вместо того чтобы отрицать культурные различия и противоречия (особенно между строго универсальным и частным, единичным) или уничтожать их, необходимо их рассматривать, исследовать и приводить в отношение взаимной «устойчивой напряженности». Никакая система и никакая диалектика здесь не помогут, за исключением, пожалуй, негативной диалектики (которую мы обнаруживаем, в частности, у Георга Зиммеля). Возможно, самым адекватным ответом здесь является та ирония, которая свойственна некоторым философам и поэтам романтизма и о которой Вальтер Бенджамин однажды сказал, что она есть «самый европейский продукт». Конечно, это вовсе не означает, что на такое способны только европейцы (или «все европейцы»).

Т.Р. Гайнутдинов, Г.М. Нажмудинов

Отступление политического

Политика уже давно утратила свою со-бытийность и существует ныне лишь в виде политики мщения, антитеррористической политики. Политика США доказывает это со всей очевидностью: возникает ощущение, что в последние несколько десятилетий политика здесь существует лишь в качестве внешней, причем реализуемой исключительно в виде военных действий, и события в Ираке лишь одно из множества подтверждений оправданности наших суждений. (Но есть в этой "политической внешности" и нечто большее: на двух американских континентах располагается множество государств, но лишь одно из них носит название, считываемое с названия места – Соединённые Штаты Америки. Так что США оказывается именем места, но не именем общности, или, скажем так, США – это имя в-место имени или даже в отместку имени;

кроме того, это имя, что превышает себя и стремится себя превзойти, поскольку американская земля (Северная и Южная Америка) есть всё же нечто большее, чем американское государство, присвоившее себе имя новой земли и нового света. Не объясняется ли вся внешняя политика США этим стремлением обосновать чрезмерную пространственную полноту собственного имени? С другой стороны, но с тем же выводом, Соединённые Штаты (за минусом "Америки") – название страны без земли или, точнее, название, которое может касаться любой земли и любого места – отсюда и эта претензия на любую землю и любое место.) В этих обстоятельствах выглядит оправданным саркастическое замечание Бодрийяра, перефразирующее знаменитый афоризм Клаузевица: "Война как продолжение отсутствия политики другими средствами"¹.

Но для начала "убедимся в том, что сегодня политики очень мало, что её почти нет и что, как только она начинает кичиться какими-то числовыми показателями, она подступает к грани несуществования"². Политику определяет не множественность числовых характеристик (количество голосующих, поддерживающих текущую политику президента, согласных с последним законопроектом парламента и проч.), а единичность событий. И дело не в том, что эти числовые ряды дают необъективную картину реальности, нерепрезентативны или имеют большую погрешность. Просто этим числовым данным более ничего не соответствует, поскольку нет ничего, что могло бы им соответствовать – нет ни социального, ни политического, о котором они говорят. В этих числах нет не только ни капли политической реальности, но они ещё и сами же поглощают эту реальность. И даже более, эти числовые показатели, всякий раз, когда к ним прибегают (а к ним прибегают всякий раз), скрывают то, что за ними стоит всего лишь абстракция, симулирующая политическое. Ничего реального, лишь видимость и отблески былых политических событий.

"Политическое событие" превращается в род мифологии и оказывается среди "неподтверждаемых рассказов" и неправдоподобных вымыслов. Событие отстраняется на мифологическую дистан-

---

¹ Бодрийяр Ж. Цит. по: Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М.: Логос, 2002. С. 245.

² Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос. 2005. С. 53.

цию, выносятся за скобки настоящего, отдаётся на поруки мнимого прошлого.

Традиционная конструкция политического (но также и социального: профсоюзы, страховые компании и т.д.) разлетелась вдребезги, и наше современное любование зданием политического напоминает восхищение перед сохранившейся античной архитектурой: это всегда руины исторической памяти ("Человек приходит к развалинам снова и снова, / он был здесь позавчера и вчера / и появится завтра, / его привлекают развалины")³. Осколки политического представительства уже не могут быть собраны, склеены и т.д., невозможно воссоздать былую (пусть и иллюзорную) целостность события. Более того, невозможно даже поверить в иллюзию прошлой целостности, поскольку это уверит нас в то, что она возможна и в будущем.

Сквозь сладостное воспевание демократии, которое столь присуще современной системе в любом её аспекте, можно услышать истинный императив этой политической риторики: "Вся политическая система выстроена по твоему образу и подобию, из тех, кого ты выбрал и кто неумолимо чтит твои интересы и интересы всей нации, кто безмерно любит тебя и предан тебе. Значит, и для тебя нет резона жаловаться на эту систему, возмущаться её устройством, порядком и проч.; наоборот, ты должен принять эту систему как собственное отражение, слиться с ней, тем самым, обретя себя". В сжатой форме это означает: "Доверяйте нам и заткнитесь". Этот императив (в сущности, характерный для современной демократии в не меньшей степени, чем для тирании), – который в скрытом виде присутствует в любом публичном выступлении субъекта господства и в любом политическом "событии" (выборы, референдум, опросы общественного мнения и проч. – всё то, что по инерции продолжают именовать "политическими событиями", несмотря на то, что всё "событийное" уже давно и безвозвратно оттуда ушло), – всегда мешает понять реальную и объективную сущность политических, экономических и социальных процессов. Благодаря политической демагогии (демагогия ныне въелась даже в вещи, институты, процессы и т.д., то есть в неживые вещи, раньше пред-

---

³ Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том 1. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 74.

почитавшие функционировать помалкивая) образ государства и власти в лице всех трёх её ветвей, партий слился в сознании населения с образом матери, дарующей жизнь и приносящей покой (это достаточно интересная тема, тем более если рассматривать её в сравнении с образом советского государства, воплощенным фигурой отца (Сталина); налицо две противоположные модели укрепления политической системой собственного господства; отсюда можно также сделать вывод, что современная капиталистическая система в своём эксплуатировании психического в не меньшей мере может называться тоталитарной, чем социалистическая). Естественно, что подобное материнское воплощение этих институтов привело лишь к упрочению их господства, к усилению процессов планирования и централизации. Современные демократические режимы стремятся повсюду развести очаги собственной власти. Они стремятся к абсолютной власти не только в отдельных странах, но и по всему миру – они хотят космополитической власти, которая безраздельно действовала бы всюду. При этом, будучи всеобщим, современное господство вовсе не стремится подражать классическим тираниям, совсем наоборот: оно стесняется той явности и неприкрытости, с которой действовали империи прошлого (и прежде всего СССР). Капитализм придумал нечто более действенное: он не будет действовать как нечто внешнее по отношению к человеку, его власть не будет "обволакивать" человека; он устроится в самом человеке, в "складках его души".

Демократия практически не сталкивается с возмущениями на свой счёт, жалобами и проклятиями в свой адрес и т.п., то есть она не подвержена критике и не является оспариваемой. Это значит, что современная демократия не имеет себе альтернативы и даже не признаёт возможности её наличия (советский режим, существовавший в прошлом, или исламский режим, процветающий ныне, в качестве альтернативных не воспринимаются). Это значит также, что современные демократические режимы не терпят различий и свободы, создавая, в то же самое время, видимость наличия и того и другого.

Обо всём этом можно было бы и не говорить с таким апокалипсическим надрывом, если бы не та опасность, которую несёт в себе эта политическая игра столь значимыми (для кого-то даже сакральными) образами. Известно, что любой образ, а искусственный

тем более, так или иначе подменяет собой реальность. Эта подмена может быть и не замечается, и в таком случае оккупированное образами пространство являет собой "здоровую и процветающую демократию". В том же случае, если из чистой событийной случайности или напротив после длительных событийных поисков (неважно из-за чего), эта подмена всё же раскрывается, то это открытие способно породить колоссальную фрустрацию, то есть выявить такую бездну отсутствующей реальности, что человек начинает "сходить с ума" (так сходят с вокзального перрона в городе, что некогда был "родным", но черты родства истёрлись уже и являются, скорее, черты уродства вашей памяти и вашей жизни). Фрустрация в масштабах всего общества способна обернуться "шизокатастрофой". Но, с другой стороны, она единственно и способна вывести из этого оцепенения сладкими образами mass media и предъявить чем является демократия на поверке.

То, что мы наблюдаем сейчас, – это эрозия значительного числа властных центров, с одной стороны, и политическая апатия по отношению к неизменному (статичному) политическому процессу, с другой стороны (со стороны общества). Действительно, те меры, которые изначально были нацелены на ослабление имеющихся полумонополистических центров власти, приводили лишь к невероятному усилению властных полномочий различных политических и административных органов государства и, напротив, разрушению независимых общественных структур. Приходят в упадок институциональные структуры и организации, которые должны исполнять функцию связующего звена между общественными секторами и политической системой. "Приходят в упадок" – это не значит, что они распадаются на глазах, совсем наоборот, может даже создаваться видимость их роста; но они, – то есть прежде всего политические партии и другие типы политических организаций, а также каналы коммуникации, по которым движется общественно значимая информация, – более не вызывают доверия со стороны общества. Они со всё растущей омертвелостью исполняют собственную функцию связующего звена в политической коммуникации между гражданским обществом и государством. Отдаваясь на содержание и контроль последнего, они теряют собственную независимость и автономность (предмет их извечной гордости и оправдание их исторической необходимости).

Стоит ли удивляться, что при подобной деградации общественных органов политического представительства сходят на нет гражданская активность и гражданская доблесть западного общества, являющиеся одним из важнейших оснований демократии. Демократия, по определению, может осуществляться только через активное, возможно непрерывное, участие в политическом процессе значительной (доминирующей) части общества. В том же случае, когда одна часть общества уклоняется от участия в политическом процессе (причиной этого чаще всего является суждение о том, что твоё участие вряд ли способно что-либо изменить и что ты более не способен через участие в политическом процессе контролировать условия, определяющие твою собственную жизнь), а другая к нему не допущена вовсе, мы можем констатировать не только упадок демократии, но и "отступление политического".

"Вопрос не просто в том, может ли демократия выжить. Хотя и одного этого достаточно, чтобы вновь придать безотлагательность проблемам, разрешение которых мы всегда так охотно откладывали на потом. Но более глубокий вопрос, конечно, в том, заслуживает ли демократия того, чтобы выжить"⁴. Почему некоторые вопросы так и остаются без ответа? Лучше спросим иным образом: почему некоторые вопросы так и остаются не услышанными, будто их и не задавали вовсе? Почему современное политическое пространство (возьмем более узко, пространство современной демократии) остаётся глухо к некоторым из обращений (скажем прямолинейно: к лучшим из обращений)? Демократия "глохнет" на глазах и даже самые громкие, – читай, насущные, – вопросы тонут во взаимных обвинениях правых и левых в социализме и фашизме. Политическая элита современных демократий уже давно истощила свою способность прояснять проблемные темы, ставящие под вопрос общепринятые позиции. Поэтому вовсе не удивительно, что партии в последнее десятилетие занимают одно из последних мест по уровню внушаемого ими доверия в ряду институтов, которым склонны доверять избиратели (мы можем привести конкретные цифры: в США, например, две трети американцев считают, что ни одна из существующих партий не способна наилучшим образом

---

⁴ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос; Прогресс, 2002. С. 70.

решить наиболее насущные проблемы, в Швейцарии партиям доверяют лишь 12% населения и т.п.; но к чему все эти проценты? Не затем ли, чтобы обналичить хоть какую-то видимость политической реальности?). И если демократия – власть народа, то партии – это скорее то, что оспаривает эту власть, нежели её представляет.

Политическая элита утратила не только возможность предоставлять обществу адекватную и достоверную картину реальности, но также и лишилась способности составлять эту самую картину со слов общества. И главная причина этого заключается в том, что элиты просто-напросто "не слышат" общества. Элита ещё пробуждается, услышав взрывы не далеко от стен собственных домов (11 сентября 2001 года, к примеру, было днём очевидного обострения восприимчивости всех демократий к требованиям извне), или же в период предвыборной гонки. Это значит, что если общество, задающее вопрос или выражающее требование политической элите, хочет быть услышанным ею, оно должно сопровождать свои слова вспышкой бомбы или пригоршней избирательных бюллетеней. Иной возможности быть услышанным элитой в текущей ситуации нет. Политическая система становится всё менее восприимчивой к требованиям, обращённым к ней извне. Конечно, можно назвать это торжеством автономии гражданского общества, но можно и констатировать абсолютный упадок истинно демократических функций современных государств.

Нам могут возразить (наверняка, это сделают), перечислив множество вариантов включённости индивида в социально-политический процесс и сославшись на постоянно совершенствующуюся в техническом отношении систему выборов и референдумов, а также бесчисленные анкетирования и опросы общественного мнения, тематически охватывающие всю систему социальных отношений. Однако известно, что все эти бесконечные опросы, тесты, референдумы и т. п. (СМИ фактически организуют перманентный опрос, заикленный на информационном круговороте) построены вовсе не на репрезентации интересов, но, скорее, на их симуляции: сколь бы профессионально ни был составлен опросный лист, ответ в нём всегда заранее моделируется вопросом. При этом даже не столь важно, какой из вариантов ответа будет избран, поскольку различие здесь мнимо (что так, что этак – всё к одному; я мог бы сказать "да", но говорю "нет", и это мало что меняет, не ме-

няет вообще ничего...). Mass media действительно очень хорошо научились предъявлять формальную обратимость своих сетей посредством телефонных разговоров со слушателем или приглашений к участию в различных программах, ответов на письма или расследований "по запросу" зрителей, опросов или референдумов и т.д. Но в реальности эта "формальная обратимость" не оставляет никакого шанса для ответа: "Вся современная архитектура mass media являет собой то, что навсегда запрещает ответ... Именно в этом – их подлинная абстракция. И именно на этой абстракции основывается система социального контроля и власти"⁵. Дело даже не в том, что вам буквально запрещают отвечать. Совсем наоборот, вас даже подталкивают к этому, но ответ ваш будет всегда лишь зеркальной проекцией вопроса, и слово ответит самому себе посредством уловки mass media, симулирующей "ваш ответ" даже в ваше отсутствие (случается, что в рамках избирательной кампании от имени того или иного кандидата присылают приглашение на выборы человеку, который умер не весть сколько лет назад (ошибка в базе данных или какая-то другая причина, неважно), как будто смерть ещё недостаточная причина для его безмолвия: мертвый он или живой, это мало что меняет, вы в любом случае слышите: "нам нужен его ответ" или даже "у нас есть для него ответ"; это своего рода современные политические вариации на тему "мёртвых душ"). Речь идёт о "бинарной регуляции", которую использует любая современная унитарная система: вариативность оказывается вопросом тактики, а не сферой индивидуальных различий. Именно поэтому любые выборы или референдумы – это более всего вердикт, доносящий до вашего сведения тот или иной приговор. Здесь нет вопрошания или же попытки выстроить диалог, но имеет место статистика, всего-навсего, и она всегда не на вашей стороне, даже если вы – её часть.

Общение? Нет, к чёрту общение! К чёрту коммуникацию! Они уже давно дело прошлого... Вчерашний день! Тестирование, бинарная система вопроса-ответа – вот то, что определяет социально-политическое пространство современности (в этой ситуации абсо-

---

⁵ Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та Социологии РАН. М.: Ин-т. эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 201-202.

лютно закономерным является введение единого государственного экзамена для поступающих в российские вузы, осуществляемого, как известно, в тестовой форме: образование постепенно превращается в систему непрерывного тестирования, сводя все свои смысловые практики к простейшей схеме вопроса-ответа). Но, ставя своей задачей обнаружить и определить пространство социальности, эти нескончаемые опросы, анкеты, зондирования, референдумы приводят к обратному – они уничтожают социальное, истощают его до предела. Сфера социального, так же как и сфера политического (одно немыслимо без другого, или даже одно живёт мыслью о другом), становится пустой, "и речь теперь идёт не о выражении или представлении, а исключительно о симуляции больше уже не выражаемого и в принципе невыразимого социального. Такова природа молчания масс"⁶. Социальное бесследно исчезает у нас на глазах, оно испаряется, превращаясь в симуляции, миражи и иллюзии (СМИ). Общество более не склонно к общению. Сами средства массовой информации дают "уверенность в том, что люди больше не разговаривают между собой, что они окончательно изолированы – перед лицом слова, лишённого ответа"⁷. СМИ прилагают все усилия, чтобы произнесённое ими осталось без ответа. Впрочем, все эти усилия до некоторой степени излишни, поскольку "умение вести беседу почти мертво, и вскоре будут мертвы многие из умеющих разговаривать"⁸.

Всё это не возражения против демократии: нет спору в том, что демократия – это "наименьшее из зол". Мы лишь пытаемся показать, что демократия "терпит неудачу в выдвижении на первый план со-в-местности, в открытии нас ей"⁹. Именно поэтому в современном обществе, с одной стороны, мы видим процессы нарастающей концентрации, глобализации, монополизации, сращивания, единообразия, анонимности и т.п., а с другой – атомизации, расслоения, расщепления и проч. Напротив, то, чего мы не можем

---

⁶ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 27.

⁷ Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. С. 204.

⁸ Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. М.: Логос, 2000. С. 137.

⁹ Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 102.

увидеть, это со-в-местности, того самого бытия-в-месте, что определяет существование со-обща, со-в-местно с другими.

"История научила нас тому, какой риск связан с критикой демократии: это не менее, как риск уничтожения, чистой экспроприации и ничем не сдерживаемой эксплуатации. Проблема, разумеется, в том, чтобы подыскать другое место для самого понятия "критики". Ибо история также учит нас тому, какой риск связан с тем, что мы называем "демократией": он связан с насильственным, пошлым, уже даже неопознаваемым присвоением предлога "с" в слове "со-вместное-бытие" или предлога "в" в слове "бытие-в-месте". Надо уйти от этого зияния. Если дело не должно идти о "критике демократии" в принятом смысле слова, речь также не может идти и о том, чтобы пребывать при простой демократической "очевидности". Речь о том, чтобы продвинуть демократию на место её собственной выраженности и явленности: продвинуть её к со-вместности народа, именем которого она называется, не найдя пока для выражения этого обстоятельства ни своего способа, ни своего особого голоса"¹⁰.

Н.В. Досина

Проблема демократизации общества в гендерных исследованиях

Эволюционный подход дает возможность увидеть, что жизнь общества при определенных условиях сопровождается демократизацией всех общественных процессов – отстаиванием социальными группами своих интересов, их участием в политическом процессе. Реально – легитимизацией стандартов демократии, повсеместным распространением институтов современного Запада. Базой демократического транзита являются при этом либеральные в своей основе принципы: свободы слова, обеспечения политических прав и гражданских свобод людей, гендерного равенства и т.д. Гендерный подтекст процесса демократизации выражается совершенно отчет-

---

¹⁰ Нанси Ж.-Л. О событии. С. 102.

ливо и состоит не только в том, что в политическом процессе участвуют и женщины, но и в том, что синтезируются интересы мужчин и женщин. Проблемный узел, неопределенность – в способах, которыми можно синтезировать, упорядочивать эти интересы.

Несмотря на то, что принцип гендерного равенства признан мировым сообществом, он повсеместно находит самую слабую поддержку. И если на Западе политика все же вооружается гендерной идеей и гендерной идеологией, в России гендер как "активное социальное" не допускается, а гендерная идея предстает частью гуманитарного знания, претендующего на нейтральность, не несущего в себе никакой политической нагрузки. Отсюда ПРОБЛЕМА В НАУКЕ – потребность в рассмотрении процесса демократизации как социального явления, то есть с точки зрения тех связей, на пересечении которых он осуществляется как социальное явление, в том числе с позиции встраивания в себя гендера. ОБЪЕКТОМ являются гендерные исследования в их значимости для решения проблемы демократизации общественной жизни. Эта значимость определяется прежде всего авторитетом академического знания в проблеме демократизации. Главные и наиболее существенные ПРИЗНАКИ ДАННОГО ОБЪЕКТА – это, во-первых, различие феминистских политических теорий, созданных в разное время и с разных позиций трактующих материал гендерной проблематики теории демократии. Во-вторых, формирование у гендерных исследований собственного терминологического аппарата. Тогда определяется их самостоятельность, связанная с отказом от сведения социального к данным респондента, от поиска типичного в качестве основной характеристики респондента, от биологического детерминизма (по схеме "стимул – реакция"). ЦЕЛЬ ДАННОЙ СТАТЬИ состоит в попытке критического осмысления процессов, происходящих в гендерных исследованиях демократизации, в выработке стратегии гендерного анализа демократизации, представлении тех направлений, которыми она может быть осуществлена. Реализация этой цели связана, безусловно, с проведением социологических исследований, особенно в направлении механизма действия укоренившегося в обществе стереотипа важности мужских качеств для политического участия и работы в структурах власти. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что устойчивое, воспринимаемое в абсолютных категориях представление о взаимном

сопряжении понятий демократии и прав женщин на политическое участие тоже должно быть преодолено: универсальность гипотезы о большей миролюбии женщин в сравнении с мужчинами спорна, не подтверждается социологически, имеются лишь небольшие различия между полами по очень конкретным вопросам. МАТЕРИАЛ ДЛЯ СТАТЬИ – дискуссионные статьи, опубликованные в журналах, а также авторские наблюдения и интервью, то есть материалы публичного обсуждения проблемы, кстати, довольно часто указывающие на отсутствие у постсоветского государства в России хорошо продуманной политики в сфере демократизации.

Для обоснования ЗНАЧИМОСТИ гендерных исследований в изучении демократизации необходимо выделить три пласта процесса демократизации. Нижний пласт характеризует положения, которые могут быть использованы или учтены людьми в их практической деятельности. С гендерным анализом процесса демократизации, определяющим не только величину, но и характер вклада (влияния) представителей социальных групп мужчин и женщин в работу институтов принятия решений, фокус исследований, действительно, смещается от государственных к ОБЩЕСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ И СООБЩЕСТВАМ. Это дает расширение проблемного поля процесса демократизации и обогащение научного инструментария теории демократии.

Гендерные исследования содержат попытку преодолеть методологический разрыв между структурным и практическим уровнем концептуализации процесса демократизации общества. Второй, культурный пласт демократизации гендерные исследования представляют как условия возможности понимания ценностей и осуществления людьми социальных действий. Они характеризуют ценности, на которые ориентируется ГЕНДЕРНОЕ СООБЩЕСТВО КАК АКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ.

Третий пласт процесса демократизации связан с устойчивыми структурами вписывания культур – с одной стороны, в институционально, объективно заданные условия социального действия, а с другой – в повседневную практику действующих лиц. Основой методологии гендерных исследований является не просто описание внутренней государственной политики учета интересов женской социальной группы, но анализ гражданского сообщества, государственно-общественного политического содействия формированию

новой культуры – КУЛЬТУРЫ СОГЛАСИЯ социальных групп мужчин и женщин.

Надо признать, что в реальной жизни люди все же не могут или не хотят соблюдать правила демократии. Поэтому с практической точки зрения, гендерное сообщество как актор демократизации существует лишь организационно, представляя собой сеть женских общественных организаций, связанных на федеральном и международном уровне. Для женских организаций чрезвычайно важно, что в Европе в настоящее время поставлен вопрос о внедрении в политическую практику принципа субсидиарности, хотя фактически нет его отчетливой и общепринятой трактовки, несмотря на то что отдельные смысловые стороны субсидиарности стали осваиваться европейцами довольно давно, с середины XIX века. Ясно только, что основу субсидиарности составляет решение политических вопросов, осуществление целедостижения на как можно более низком уровне и соответствующая передача полномочий и ресурсов снизу вверх.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ в женской общественной организации можно определить как особый стиль совместной деятельности ее членов, имеющих общие интересы и намерения, контролирующих ресурсы и методы общения, работу с информацией, способы влияния на принятие решений, с помощью которых аппарат женской общественной организации и ее активисты принимают решения относительно общих интересов мобилизации, контроля за ресурсами и возможностями. Движение женщин практикует непосредственно обращение к идее прав женщин. Но выживает, приобретает влияние постольку, поскольку трансформируется в движение не только ради самих себя, но и ради мужчин. Поэтому движение женщин нельзя отождествлять с требованием идентичности. Это движение против самих условий коллективной деятельности.

Таким образом, гендерный инструментарий, прилагаемый к анализу демократизации, достаточно четко обнаруживает ее основные проблемы, определяет стратегию их анализа, дает возможности увидеть направления решения этих проблем.

Жизненные стили как фактор идентификации группы

Сегодня в российской социальной структуре продолжается не только и не столько вертикальная дифференциация общества (распределение населения по слоям, характеризующимся уровнем образования наряду с доходами), но, поскольку экономическая основа социальной стратификации уже заложена, скорее и в более активных формах идет горизонтальная дифференциация, т.е. распределение по группам, характеризующимся различными стилями жизни.

В последние годы во многих социологических исследованиях, посвященных проблеме социальной стратификации, применяется жизненно-стилевой подход. Один из основателей этого подхода, Х.П. Мюллер, определяет его наличием четырех базовых показателей, определяющих формирование социальной общности стилового происхождения:

1) целостность (подразумевается групповая культурная целостность);

2) добровольность (человек выбирает не класс, группу, а слой, к которому принадлежит по рождению, воспитанию, образованию, размеру дохода). В случае определения жизненного и культурного стиля налицо **выбор его самим социальным субъектом;**

3) характерность каких-либо признаков или позиций для данной группы;

4) распределение шансов стилизации (зависит от ряда факторов – от ценностно-нормативной системы, от уровня жизни и материального благосостояния граждан).

При этом чем слабее социетальные, институциональные и ситуационные специфические нормы и регуляции, тем очевиднее место традиционных ритуальных моделей занимают жизненные стили, конкурирующие между собой¹.

---

¹ Ионин Л. Культура и социальная структура // Социс. 1996. № 2-3. С. 31.

Западные теоретики (У. Бек) предлагают следующие положения, которые в российских условиях также следует учитывать наряду с вышеназванными²:

1) резкое улучшение материального положения подавляющего большинства населения ведет к детрадиционализму сословно окрашенных «классовых положений»;

2) материальное благосостояние выступает в сознании тех, кто его обретает как индивидуальное достижение, даже если это продукт общественных изменений. При этом ... социально-культурная идентификация ослабевает;

3) происходит распад социальных классов и слоев, соответствующих прежним иерархическим моделям;

4) политическая жизнь, партии и блоки теряют привязку к классовым интересам.

Все это приводит к специфической организации политической сферы общества, которая начинает формироваться по следующим позициям:

– полное отсутствие социально-слоевой идентификации политических партий;

– формирование партий и блоков регулируется не социальной (слоевой) близостью участвующих партий, а актуальными политическими темами и общностью целей.

– изменчив сам избиратель, не имея идентифицированной в социальном отношении партии³.

Вспомним, что в любом обществе существует привязка агентов к некоему габитусу и к стилю жизни. Понятие габитуса объясняет закономерность, согласно которой по отношению к любому агенту всегда есть такая социальная позиция, которую он не сможет занять даже в том случае, если ему будут предоставлены соответствующие объективированные условия и предпосылки практик⁴. Поскольку позиция есть не только совокупность капиталов, но и практик, то, чтобы занять ее, надо усвоить и практики – а для этого иметь определенный габитус. Габитус интегрирует индивидуальные и коллективные практики и в силу этого снимает противопос-

---

² Ионин Л. Культура и социальная структура. С. 31.

³ Там же.

⁴ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-logos, 1993. 336 с.

тавление индивидуального и социального, внутреннего и внешнего.

Политическое представительство есть объективация серийных агентов в институции, социальном корпусе или практической группе – делегирование. *Чем меньшим объемом капитал обладает доверитель, тем более самостоятельны доверенные лица*⁵. Именно это мы наблюдаем в России в 90-х гг., и особенно явно этот процесс происходит после 2002 года. П. Бурдые писал, что «государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала информации, экономики, насилия, ... которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакapитала, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами»⁶.

Исходя из этого, мы можем рассматривать политический режим как систему, изменяющую экономические, идентификационные и другие практики, и как следствие – всю стратификацию общества. Политический режим может играть двоякую роль: он может либо разрушать систему управления процессами формирования социальной структуры, либо, напротив, усиливать контроль со стороны государства за этими процессами путем реализации эффективной социальной политики.

Выбор пути, по которому будет развиваться ситуация, обусловлен наличием в социальной структуре среднего класса и его экономической и политической мощью – с одной стороны, и существующими в российском обществе идентификационными практиками этого класса – с другой.

Наличие в обществе среднего класса и его значительный количественный вес стабилизирует социально-политическую обстановку, создает гарантии демократического пути развития общества. В связи с этим, представляют интерес результаты, которые получил американский ученый Эдвард Н. Муллер. Он исследовал связь между неравенством в доходах и уровнем развития демократии на примере 23 стран мира, большинство из которых стали демократическими еще в 1945 – 1961 гг. Сравнительный анализ длительности

---

⁵ Качанов Ю., Шматко Н. Как возможна социальная группа // Социс. 1996. № 12. С. 97.

⁶ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-logos, 1993. 336 с.

существования демократии и распределения доходов позволил сделать следующий вывод. Демократические институты, существующие на протяжении относительно длительного времени, приводят к постепенному уменьшению неравенства в доходах, независимо от уровня экономического развития страны. Но если в стране введен демократический режим с ярко выраженным неравенством в распределении доходов, то это неравенство может привести к установлению авторитарного правления.

В связи со статусными изменениями в РФ произошло резкое скачкообразное увеличение количества жизненных стилей. Все эти стили, как показывает общероссийская социальная статистика, не коррелируют или слабо коррелируют непосредственно с категориями демографической, профессиональной и экономической структуры современной России. Крайняя условность и подвижность профессиональной структуры обогащает стилевой набор социума, поэтому происходит релятивизация стилей. Основными факторами ее выступают факторы экономического порядка, в частности стили экономической активности, из которых наиболее распространенными являются подработка, смена родов деятельности (характерно для более чем 60% населения России и 30 – 35% в Ярославской области). Это неизбежно ведет к разрушению культурных идентификаций. Эти выводы полностью подтверждаются данными исследования, проведенного в Ярославской области в 2005 г.⁷ Наблюдается дифференциация стилей жизни по профессиональному, образовательному, демографическим признакам, что неизбежно опосредуется респондентами экономическими (74%) и реже (28%) политическими факторами. В частности, респонденты до 40 лет демонстрируют достаточно высокую готовность к смене сферы профессиональной деятельности либо к смене стиля жизни, в отличие от представителей более старших возрастных групп. Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием идентифицируют себя с группой на основании стиля жизни в 2 раза чаще, чем лица с более низким образовательным статусом.

---

⁷ Кафедра социально-политических теорий ЯрГУ. Мониторинг социальных конфликтов: Аналитический отчет. Ярославль, 2005.

Таким образом, переориентация на стиль жизни как фактор групповой идентификации ведет к изменению форм культурной идентификации.

О.К. Ефимова

Глобализация: проблема определения

Одна из самых широкомасштабных дискуссий, включившая представителей научного сообщества разнообразных направлений и школ, общественности, политиков на протяжении вот уже более 40 лет, связана с феноменом глобализации. Такое устойчивое внимание к этому феномену обусловлено, с одной стороны, сложностью, многоаспектностью, антиномичностью самого явления и его последствий, а с другой стороны, необходимостью определения стратегии развития человечества в новом тысячелетии.

В ходе интенсивных дебатов по проблемам глобализации мы встречаемся с разнообразными точками зрения. Сущность этого феномена понимается и оценивается по-разному. Определить новую категорию действительно не просто.

Процесс глобализации носит всеобъемлющий характер и в соответствии со своим видением происходящего каждый трактует этот феномен по-своему. Одни – как безграничные возможности и перспективы, открываемые информационной революцией перед человечеством, другие – как историческую победу принципов либеральной демократии, третьи – как виртуализацию реальности, четвертые – как угрозу создания неоколониальных империй на базе новейших технологий.

Разнобой в подходах и оценках продиктован не только личными вкусами и пристрастиями. Многие определяет логика научного познания. Как отмечает российский исследователь М. Чешков, «тему глобализации одновременно разрабатывают и глобалистика, и традиционные дисциплины. Причем последние явно преобладают в количественном отношении, что порождает множество част-

нонаучных «образов» глобализации, по которым трудно составить целостное представление о предмете исследования»¹.

В литературе по глобализации просматривается «широкое» и «узкое» толкование этого понятия: от определения особой стадии всемирно-исторического процесса до обозначения совершенно конкретных процессов и тенденций. Например, М. Уотерс под глобализацией понимает «общественный процесс, в ходе которого уменьшается зависимость социального и культурного развития от географического фактора, и это во все большей степени осознается людьми»²; Т. Фридман – «неукротимую интеграцию рынков, наций-государств и технологий, позволяющую индивидуумам, корпорациям и нациям-государствам достигать любой точки мира быстрее, дальше, глубже и дешевле, чем когда бы то ни было прежде»³, а Дж. Сорос – «растущее доминирующее влияние на национальные экономики глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций»⁴. В интерпретации американских авторов П. Нанди и Ш. Шахидулла глобализация – «принципиально новый процесс роста и развития»⁵, она открывает перед человеком беспрецедентные возможности самореализации.

По-разному в научной литературе расставляются и временные вехи глобализации. Одни исследователи считают, что глобализация – «явление абсолютно не новое, оно возникало на разных этапах истории: в античное время (в пределах Римской империи); средние века – в эпоху географических открытий, когда формировалась «колониальная глобализация»; на рубеже XIX – XX вв. в связи с переходом ряда стран в индустриальную стадию развития с широкой сетью постоянно действующих международных организаций, появлением мирового хозяйства и торговли, феномена «мировой истории». В настоящее время мировая цивилизация входит в фазу «зрелого» глобализма, когда происходит переход от интернационализации к транснационализации, возникновению и образованию

---

¹ Pro et Contra. Осень. 1999. № 4. С. 116.

² Waters M. Globalization. L.; N.Y., 1996. P. 3.

³ Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000. P. 9.

⁴ Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. Т. 2. С. 30.

⁵ Nandi P.K., Shahid M. Shahidullah (eds). Globalization and the evolving World Society. Leiden; Boston; Koln: brill, 1998. P. 7.

общемировых форм организации человеческого бытия (М. Чешков, Н. Симония, Г. Шахназаров и др.⁶ Иначе говоря, глобализация как тенденция имеет объективный и сквозной характер, выступает как закономерность всего процесса универсальной эволюции человечества.

Не возражая против того, что интеграционные процессы уходят в глубь истории, большинство авторов, однако, полагает, что о глобализации в собственном смысле слова речь может идти лишь применительно к нашей эпохе, когда она становится доминантой мирового развития, и это связано с появлением общемирового информационного и финансового пространства на базе новых, прежде всего компьютерных, технологий (М. Делягин, А. Вебер и др.)⁷. Поддержку этой позиции мы находим у А.И. Неклессы, который рассматривает глобализацию только как современную тенденцию, фактически отождествляя ее с интеграцией.

Впрочем, подобные разночтения относительно «летоисчисления» феномена глобализации никак не затрагивают и не меняют его идейного, мировоззренческого смысла и значения. Суть вопроса не в том, существует ли глобализация «испокон веков» или возникла в наше время. Важно определить ее исторические корни и понять, почему именно в современную эпоху она воспринимается «венцом» всего предшествующего развития. Следует согласиться с отечественным исследователем В. Тураевым в том, что появление глобализации «...подготовлено всем ходом исторического развития и естественно продолжает процесс интернационализации. Промышленная революция, создание новых средств транспорта и связи, формирование мирового рынка, массовые миграции, интенсификация международных контактов и обменов положили конец изолированному существованию стран и народов. Бурно развиваются мирохозяйственные связи, создаются мировые системы регулирования международных отношений, интенсифицируется культурное взаимодействие, относительно легко преодолеваются боль-

---

⁶ См.: Глобализация и Россия. М., 2001.

⁷ См.: Делягин М. Практика глобализации: игры и правила Новой эпохи. М., 2000.

шие расстояния, убыстряется ход времени, мир начинает обретать целостность⁸.

Следует отметить и неодинаковую степень изученности разных аспектов глобализации. Исследования экономических аспектов глобализации (вопросов международной торговли, интернациональной динамики факторов производства и финансовых рынков) продвинулись довольно далеко. Гораздо слабее пока проанализированы процессы глобализации в этнонациональной, политико-институциональной, социальной и духовной областях.

Мир действительно неузнаваемо изменяется и становится другим, иным – взаимосвязанным и взаимозависимым, как никогда раньше.

Анализ определений понятия «глобализация», встречающихся в современной литературе, показывает, что в качестве ключевого слова в них, как правило, используется именно термин «*взаимозависимость*», а «глобализация» очень часто трактуется как процесс усиления взаимозависимости. В этом ключе высказывается О.Т. Богомоллов, который также видит суть глобализации во взаимозависимости: «Растущая взаимозависимость стран мира и народов, несмотря на все различия в уровнях развития, культуре, религии, исторических традициях, достигла такой стадии, которую стали обозначать термином «глобализация». Это понятие одинаково приложимо и к экономике, и к политике, и к культуре»⁹. Такое понимание глобализации, в центре которого – воссоздание родового единства человечества под воздействием мощных интеграционных процессов в различных сферах общественного бытия, постепенно завоевывает права гражданства в отечественной литературе. В ней сформировался целый спектр позиций, акцентирующих различные характеристики этого масштабного процесса¹⁰. Представляя наиболее распространенную точку зрения, Ю. Федоров пишет: «Чаще всего глобализацию связывают с качественно новыми уровнями интегрированности, целостности и взаимозависимости мира, хотя это лишь часть более сложной и противоречивой картины. Во мно-

---

⁸ Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству: учебное пособие. М., 2002. С. 26.

⁹ Богомоллов Б.А. Глобализация: некоторые подходы к осмыслению феномена // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3. С. 112.

¹⁰ См: Pro et Contra. Осень. 1999. № 4. С. 116.

гом нынешний этап глобализации сводится к своеобразному дополнению взаимозависимости усиливающейся транснационализацией хозяйственной, информационной и других видов деятельности¹¹.

Новое качество общественного бытия в глобализирующемся мире подчеркивают А. Володин и Г. Широков. Они отстаивают «понимание глобализации как комплексного геоэкономического, геополитического и геогуманитарного явления, оказывающего мощный демонстрационный эффект на все стороны жизнедеятельности вовлекаемых в этот процесс стран»¹². Еще дальше идет В. Михеев. В его трактовке «глобализация – развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и органов экономического и политического управления»¹³.

Не менее важным обстоятельством является и то, что исследователи обозначают формулой неравномерной или асимметричной взаимозависимости, которую глобализация унаследовала от предшествующей эпохи и вынуждена будет рано или поздно преодолеть. Асимметричный глобальный мир оставляет нерешенными «роковые вопросы» прежней истории. Нарастающую взаимозависимость стран и регионов никто не оспаривает, но столь же упрямый факт состоит в том, что желающие или вынужденные участвовать в глобализации субъекты – страны и регионы – находятся в неравных условиях. Одни в своем социально-экономическом развитии ушли вперед, другие заметно, а кто-то и катастрофически, отстали. В этой ситуации переходящий в постиндустриальную стадию Запад, по целому ряду параметров и показателей значительно опередивший остальной мир, явочным порядком берет на себя функцию лидера и главного «распорядителя» хода событий. Остальные части мира, то есть подавляющее большинство стран и народов, объективно оказываются в положении объекта глобализации, а то и прямых «жертв» последней.

---

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: Истоки, тенденции, перспективы // Полис, 1999. № 5. С. 84.

¹³ Pro et Contra. Осень. 1999. № 4. С. 114.

Как Г.Г. Дилигенский, так и Ю.А. Красин интерпретируют глобализацию как антиномичный процесс, представленный противоположными тенденциями интеграции и многообразия: «...в нынешних трактовках глобализации наблюдается явный перекося в оценках двух тенденций в сторону переоценки значимости интеграции мирового сообщества и недооценки его плюрализации»¹⁴. Если мир и унифицируется, то только через дифференциацию. Отсутствие политических институтов и единого механизма регуляции, обладающих общемировой легитимностью, «делают» глобализацию "несовершенной" или "незавершенной".

За мучительными поисками сути глобализации стоит серьезная проблема: как она соотносится со своим историческим предшественником – интернационализацией. Несомненно, что они – близкие родственники, но в чем различие? А. Володин и Г. Широков предлагают такую трактовку: «На наш взгляд, стоило бы развести эти понятия, определив "интернационализацию" как начальный период движения капиталов и товаров, людей и идей, заложивший основы целостности мирового пространства, которая, в свою очередь, доформировывается процессами "глобализации"»¹⁵.

Наиболее четко определяет свою противоположную позицию Э. Азроянц, расставляя следующие акценты: «глобализация – цель исторического процесса; интеграция и дезинтеграция – тенденции, определяющие его динамику; интернационализация – современный этап глобализации»¹⁶. В.Х. Рейнике, старший исследователь Брукингского института (США), считает, что необходимо провести четкое разграничение между двумя понятиями «экономическая взаимозависимость» и «глобализация». По его мнению, различия между такими явлениями, как «экономическая взаимозависимость» и «глобализация» состоит в следующем: взаимозависимость сокращает расстояние между суверенными государствами и приводит к усилению кооперации на макроуровне. Глобализация же, расширяя сферу деятельности компаний и выводя ее за рамки на-

---

¹⁴ Актуальные вопросы глобализации (круглый стол) // МЭ и МО. 1999. № 4. С. 42.

¹⁵ Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: Истоки, тенденции, перспективы. С 83.

¹⁶ Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 65.

циональных государств, тем самым ставит компании перед необходимостью внесения изменений как в их организационную структуру, так и в стратегию их деятельности. Межстрановое перемещение капитала, информации и новых технологий становится условием усиления конкурентоспособности компаний, поэтому, глобализацию следует рассматривать как «микроэкономическое явление»¹⁷.

Следует отметить, что глобализация – двойственный процесс, развивающийся одновременно в межгосударственных и транснациональных формах. Отсюда множественность ее носителей: государства, их коалиции, международные организации, неправительственные организации. Хотя акторов много, но не настолько, чтобы взаимодействие между ними проходило по правилам свободной конкуренции. Оно носит скорее олигополистический характер.

Профессор Парижского института политических исследований Б. Бади выделяет три измерения глобализации, которые, на наш взгляд, интегрируют в себе многие подходы к этому явлению: «глобализация – это исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий; гомогенизация мира; глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование общим обычаям и нормам поведения; глобализация – это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение государственного суверенитета, возрастающее влияние транснациональных негосударственных образований – этнических диаспор, религиозных движений, глобальных фирм, мафиозных группировок»¹⁸.

Разнообразие оценок глобализации опосредованно отражает и противоречивость самих процессов, в ходе которых она разворачивается. Среди многих противоречий и проблем, отметим, в частности, следующие:

– противоречие между общечеловеческими интересами во взаимозависимом мире и национально-этническими особенностями

---

¹⁷ Кондратьева Т.С. К вопросу о понятии «глобализация» // Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. М., 2000. С. 15.

¹⁸ Кузнецов В.И. Что такое глобализация? // МЭ и МО. 1998. № 2. С. 13.

ми, между глобализацией и стремлением к идентичности, к самоопределению народов, социальных общностей;

– проблема совместимости или несовместимости разных локальных цивилизаций, которая только обостряется в период ускоренной глобализации;

– противоречие между гомогенизацией и диверсификацией, объединением и фрагментацией;

– проблема управляемости мирохозяйственными процессами и дерегулирование, либерализация национальных экономик;

– противоречие между интересами общества массового потребления и экологически ориентированным типом развития;

– противоречие между интегрированностью в мировом сообществе (формирование мирового гражданского общества) и индивидуализацией, суть которой состоит в прогрессирующем ослаблении связей личности с определенной социальной средой или группой;

– соотношение стабильности и социальных перемен: общественные изменения – неизбежный атрибут развития социумов. Однако, изменения в обществе, как известно, могут быть как поступательными, так и возвратными, эволюционными и революционными, одни из них реализуются безболезненно, другие – могут обернуться тяжелыми последствиями. Важная задача состоит в уяснении того, как сочетаются навязанные перемены с идеей толерантности, ненасилия, сотрудничества?

Как отмечает Кувалдин В.П., «процесс глобализации по своей природе не может быть простым, гладким и бесконфликтным. Он затрагивает и задевает всех и каждого: индивидов, малые и большие сообщества, государства и регионы, народы и цивилизации»¹⁹.

Одной из важнейших причин большой конфликтности глобализационных процессов являются фундаментальные различия в уровне социально-экономического и политического развития человеческих сообществ, в образе жизни, в отношении к основным проблемам бытия, в системах ценностей. Сегодня они настолько велики, что можно сказать, что человечество живет в разных изме-

---

¹⁹ Кувалдин В.П. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 43.

рениях и мирах; частично они совпадают, частично существуют параллельно, частично – даже не соприкасаются.

Хотя в описании процесса глобализации немало различий, но все же в многочисленных работах по этой проблематике так или иначе проглядывает важнейшая сущностная характеристика глобализации: речь идет о формирующемся *новом качестве всеобщности* человеческого бытия.

И.Ю. Киселев

О проблеме восприятия и оценки угрозы в современном мире

Глобализация и переосмысление сущности безопасности после окончания «холодной войны» обусловили появление новых вызовов и угроз. При этом необходимо отметить, что словосочетание «новые угрозы» подразумевает не только появление опасностей, с которыми человечество еще не сталкивалось. Изменились сущностные характеристики угрозы, которые обуславливают постановку вопроса о механизмах восприятия и оценки угрозы.

Первая характеристика угроз связана с *десубъективацией*, которая выражается в том, что зачастую отсутствует явный субъект, использующий угрозу в качестве инструмента влияния. Десубъективация обусловлена либо трудностями по локализации источника угрозы в пределах какого-либо государства или региона, либо с действием на международной арене негосударственных акторов и невозможностью применить к ним категории, нормы и правила, принятые в отношении государства как основного субъекта международного права. Международный терроризм является ярким примером десубъективации угрозы.

Вторая характеристика угроз в современном мире – «размывание» компонента *намерения*. Данная характеристика проявляется двояко. С одной стороны, угроза стихийных бедствий, экологические катастрофы, вспышки заболеваний трудно охарактеризовать как чье-то намерение причинить вред. Данное свойство угрозы связано с предыдущим – десубъективацией. С другой стороны, даже

если можно определить субъект угрозы, намерение причинить вред редко выражается открыто, зачастую оно лишь подразумевается. Более того, существуют такие угрозы, как, например, угроза использования оружия массового уничтожения, которые необходимо распознать и предотвратить, пока намерение субъекта угрозы еще не сформировано.

Третья характеристика угроз в современном мире связана с *вероятностью их осуществления*. В частности, политологи говорят об увеличении вероятности реализации угроз. При этом не утратили своего значения угрозы, вероятность осуществления которых достаточно мала, а последствия – значительны.

Таким образом, угрозы, с которыми сталкивается человечество в современном мире, характеризуются неопределенностью в том, что касается источника угрозы, намерений субъекта угрозы и вероятности осуществления намерения причинить вред. Перечисленные особенности угрозы обуславливают необходимость изучения процессов ее восприятия и оценки. При этом можно сформулировать следующие проблемы, которые нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Первая связана с определением психологического содержания категории «угроза». Классификация угроз, разработанная в рамках общей теории национальной безопасности, использует в качестве основания соотношение угроз с так называемой «реальной угрозой». Однако данную классификацию практически невозможно использовать в практике оценки угроз и прогнозирования рисков ее реализации. Что такое уровень реальной опасности? Как определить тот порог, за пределами которого угроза будет завышенной, заниженной или адекватной? Какие факторы и условия переводят угрозу в категорию «реальной»?

Ответить на поставленные вопросы позволяет рассмотрение угрозы в качестве результата когнитивной оценки ситуации. Подобное понимание угрозы подчеркивает активность субъекта в определении того, являются ли действия и события угрожающими. Таким образом, одна из основных исследовательских задач состоит в том, чтобы выявить механизмы построения суждений о том, что тот или иной субъект политических отношений и его действия представляют угрозу, а также понять, какие факторы влияют на построение подобных суждений.

Понимание угрозы в качестве результата когнитивной оценки ситуации и констатация активной роли субъекта в определении факта угрозы влечет за собой постановку другой проблемы. Исследования по проблеме восприятия угрозы позволяют сделать вывод, что ошибки и искажения, возникающие в процессе восприятия и оценки угрозы, обусловлены особенностями познавательных процессов субъекта, а не характеристиками воспринимаемого объекта или события. В этой связи возникают по меньшей мере следующие вопросы. Переносимы ли уже выделенные закономерности восприятия на новые угрозы, которые возникли в современном мире? Как изменились схемы и образы политического мира, которые используют субъекты в ходе оценки угроз и анализа рисков? Какое влияние на восприятие угрозы оказывает изменение идентичности, роли и статуса, а также другие характеристики субъекта восприятия в меняющемся мире?

Наконец, еще одна проблема, представляющая как теоретический, так и практический интерес, связана с оценкой вероятности реализации угрозы. Исследования процесса определения вероятностей в ходе принятия решений продемонстрировали, что субъект принятия решений вряд ли определяет «вероятность» в ее классическом понимании. Скорей всего имеет место эмпирическая оценка возможности наступления события.

Отклонения от правил подсчета вероятностей обусловлены особенностями политических событий. Во-первых, они никогда не повторяются в точности, поэтому субъект лишен возможности учесть динамику повторения событий в прошлом. Во-вторых, субъектам оценки угрозы зачастую приходится оценивать вероятность наступления маловероятных событий, но значительных по своим последствиям. Как показывают результаты экспериментов, оценки малых вероятностей искажаются. В-третьих, когда в качестве источника угроз выступает человек, аналитик преимущественно имеет дело с информацией, которая не подлежит количественному представлению. Перечисленные обстоятельства затрудняют использование математико-статистических моделей оценки угроз и обуславливают необходимость изучения субъективных вероятностей угроз.

Таким образом, угроза остается важным инструментом политического влияния, и поиск ответов на поставленные выше вопро-

сы позволит обозначить новые перспективы исследования не только случаев использования угроз, но и возможностей по противодействию им.

В.И. Корнилов

Глобализация для России: сущность и проблемы

Глобализация в силу своей масштабности по охвату стран всего мира является объектом анализа многих ученых: экономистов, социологов, политологов, историков, философов и др. Наиболее зримо очертания глобализации в виде целостной и устойчивой системы выявились в последние 20 – 25 лет XX в. Поэтому и сам этот термин появился в 70-е гг. XX столетия. Однако нельзя не отметить, что отдельные его элементы (международное разделение труда, мировой рынок, монополии на межнациональной основе и т.д.) появились еще в период XVI – XX вв., начиная с эпохи Великих географических открытий и кончая становлением мировой системы капитализма.

Глобализация, в частности, в области экономики заключается в преодолении экономической автаркии государств и утверждении международных хозяйственных связей, формировании мировых рынков сырья и сбыта товаров. При всей сохраняющейся между странами конкуренции в области экономических отношений, тем не менее, развитие производительных сил идет на основе их стандартизации и унификации¹. Вместе с тем в реальной жизни ряда стран (особенно это видно на примере нашего государства) интеграционные процессы сталкиваются с противоположными тенден-

---

¹ В очередном послании конгрессу и президенту министр обороны Д. Рамсфельд констатирует, что «интересы, ответственность и обязательства Соединенных Штатов охватывают весь мир. Являясь великой державой с открытым демократическим обществом, Соединенные Штаты испытывают на себе действие различных тенденций, событий и факторов, которые берут свое начало за пределами границ страны» (Анчуков С. Глобализации по-американски – угроза миру и России // Правда России. 2002. № 18).

циями: стремление к экономическому изоляционизму, опора на собственные силы отдельно взятых территорий (республик. – *В.К.*) и т.д. Именно это стало одной из причин распада СССР на полтора десятка самостоятельных государств со своей денежно-кредитной и финансовой системой в конце XX века.

Под самой же глобализацией в области экономики мы понимаем процесс углубления в пределах всей планеты многообразных хозяйственных связей, достижения в высшей степени уровня интегрированности, целостности и взаимозависимости между странами вплоть до создания мирового экономического пространства.

В экономической литературе отмечается, что позитивность глобализации просматривается в следующем:

- открывает возможности концентрации усилий и ресурсов в планетарных масштабах с целью решения задач, неподъемных для отдельных стран и даже групп стран;

- обеспечивает бурный технически и экологически безопасный рост производительных сил;

- дает возможность преодолеть неравенство в мире и поляризацию стран на богатых и бедных².

Однако эти и другие позитивы станут тогда реалиями, а не утопического характера мечтаниями, когда ныне господствующие в мире политические и финансовые силы во главе с США перестанут манипулировать техническими, сырьевыми и людскими ресурсами многих стран только в своих интересах³. Этот процесс особенно возрос после распада СССР, единственного противовеса гегемонизму США с 50-х гг. до конца 80-х гг. XX в. Для США и их ТНК 90-е гг. оказались действительно периодом беспрецедентного укрепления экономических, технологических и геополитических позиций в мире. Прибыли ведущих высокотехнологических компаний выросли в 2 – 2,5 и больше раз. Свыше 40% инвестиций в компьютерные технологии ныне приходится на долю США. В Америке находится около 50% от общего числа компьютеров во всем мире⁴. «США реализуют идею построения новой мировой модели по римскому образцу двухтысячелетней давности, не счи-

---

² Биндюков Н., Лопата П. Контрасты глобализации // Диалог. 2001. № 3. С. 8.

³ Анчуков С. Глобализации по-американски – угроза миру и России // Правда России. 2002. № 18.

⁴ Уткин А. США в мире XXI века // Свободная мысль. 2000. № 6. С. 14.

таясь ни с международным правом, ни с опытом человеческой истории. ... Все люди станут гражданами одной мировой империи со столицей в Вашингтоне, хотя и будут управляться местными царями, как было в Римской империи»⁵.

Данная модель глобализации работает не только на США, но и на те страны, которые вошли в золотой миллиард человечества, усиливая раскол мира на богатые и бедные народы. Авторы итогового научного труда, подготовленного в Институте проблем глобализации, проанализировав десятилетний период постперестройки с 1990 г., на наш взгляд, правильно отметили: «Освоив ресурсы СССР и кардинально усилив за счет этого как свой прогресс, так и свой отрыв от остального мира, развитые страны создали и прочно закрепили, в том числе и институционально, деструктивную модель международного экономического взаимодействия – наиболее успешную для себя и наиболее разрушительную для остальных стран мира»⁶.

Сегодня перед Россией стоит серьезная задача: не только как вписаться в современную модель глобализации, но и как противостоять ее разрушительному характеру. Думается, впервые за годы перестройки и постперестройки на уровне президентской власти началось осмысление данной сложной задачи для Российской Федерации. Наше суждение покоится на анализе содержания президентского Послания Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 г. В нем впервые говорится о том, что Россия в современном геополитическом мире должна остаться великой державой. Для этого она должна в ближайшие десять лет увеличить ВВП в 2 раза. Также в нем отмечается необходимость консолидации всех политических сил ради осуществления национальных задач в области экономики и социальной жизни⁷. Более того, Президент РФ В.В. Путин на пресс-конференции в Кремле с отечественными и зарубежными журналистами (31 января 2006 г.), говоря о важных для России и мирового сообщества проблемах, таких как победа движения «Хамас» в Палестине, взаимоотношения России с Украиной, Белоруссией, Узбеки-

---

⁵ Глазьев С. Цивилизация трущоб // Трибуна. 2003. 3 апреля.

⁶ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М.: Инфрасталь, 2000. С.128.

⁷ Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003. 17 мая.

станом и Грузией, ядерное досье Ирана и др., отвечал на вопросы, прежде всего, с точки зрения социально-политических и экономических интересов России, занимающей значимое место в мировом сообществе. Например, отвечая на вопрос о вступлении России в ВТО, важнейший организационно-экономический инструмент глобализации, В.В. Путин заявил, что Россия вступит во Всемирную торговую организацию лишь при условии соблюдения интересов нашей страны. И назвал США главным противником реализации наших интересов при вступлении в ВТО⁸.

Следует отметить, что, несмотря на урон, нанесенный народному хозяйству в годы так называемых реформ, тем не менее возможности у России для экономического подъема имеются. Они связаны не только с конкурентными преимуществами в сфере добычи нефти и газа, выплавки металла, но и в атомной энергетике, ракетостроении, в авиационной промышленности, в биотехнологиях и во многих других отраслях. Например, на наш взгляд, ситуация, сложившаяся с эксплуатацией международной космической станции (МКС), наглядно продемонстрировала преимущество наших грузовых космических кораблей перед американскими. Катастрофа с "Шаттлом" в космосе показала, что, если бы не полеты российских кораблей, человечество лишилось бы последней МКС.

Серьезный подъем российской экономики невозможен без перехода к новой системе налогово-бюджетной политики, согласно которой сверхприбыль от эксплуатации природных ресурсов доставалась бы обществу в лице государства, а не олигархам. Тем более в соответствии с Конституцией РФ (ст. 71) недра России являются государственной собственностью⁹. Так поступают все уважающие себя страны: от Кувейта до Норвегии, независимо от вероисповедания и уровня развития цивилизации. По подсчетам экономистов Глазьева С., Львова Д. и др., это позволит увеличить бюджет страны на 20 млрд. долл. в год¹⁰. Также следует вернуться к использованию прогрессивной системы налогообложения на доходы и недвижимость. Сегодня наша страна является фактически

---

⁸ Путин В.В. Пресс-конференция в Кремле для отечественных и иностранных журналистов // Российская газета. 2006. 1 февраля.

⁹ Конституция РФ. М., 1994. Ст. 71.

¹⁰ Глазьев С. Цивилизация трущоб // Трибуна. 2003. 3 апреля.

единственной среди развитых стран, в которой существует подобная система налогообложения.

Без реализации экономических и других мер, о которых говорится в научной экономической литературе, вряд ли возможно осуществление тех социально-экономических задач, благодаря которым Россия достойно займет свою нишу в процессе глобализации и не станет только топливно-энергетическим донором для стран «золотого миллиарда» во главе с США.

С.А. Кудрина

От культуры – к миру опрокинутых ценностей

"Все мертвое плывет по течению, против течения может плыть только живое".

Г.К. Честертон*

Еще в XIX веке французский социолог Г. Тард говорил о колоссальном значении средств коммуникации для изменения характера социальных связей. Публика – вот общность, которая приходит на смену толпе. Формируется межнациональное **информационно-потребительское социальное пространство**, охватывающее и поглощающее экономические, политические, культурные, научные коммуникации, сферу услуг и т.д. Наличие единого информационного пространства – это условие для создания так называемого глобального сообщества с единым управлением. Препятствием служат выжившие национальные культуры, потому что единое управление невозможно без формирования человека нового типа, без единых ценностей и образцов поведения. **Информационная цивилизация делает возможным активное навязывание потребностей и формирование мировоззрения людей при почти полном отключении самостоятельного критического мышле-**

---

* Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991. С. 255.

ния – только в этом случае ими можно успешно управлять. Уже сейчас многие потребности определяются вовсе не необходимостью, а диктатом манипулирующего сознанием «знака», «кода сигнификации». Человек отныне приобретает не вещь, он приобретает символ приобщения к некой общности. Гиперреальность как симуляция приходит на смену реальности. На фоне всеобщей духовной релаксации жизнь без убеждений (которая, как утверждал К.Г. Юнг, неизбежно порождает шизофрению) начинает считаться нормой. Человек же, имеющий стойкие убеждения и не готовый их менять с каждым новым газетным выпуском или при встрече с каждым новым собеседником, рассматривается как угроза для общественного порядка. Не случайно **«культурная революция»** – это одна из первых массовых акций любого тоталитарного режима. В глобальном сообществе ожидается победа ценностей Просвещения (на них, кстати говоря, и вырос марксизм-ленинизм), которые должны в конечном итоге заменить и уже заменяют собой традиционные ценности. Мишенью «нового мирового порядка» является культуuroобразующая религия: ее присутствие допускается лишь в мертвом виде. **Чтобы управлять глобальным мировым сообществом, или «обществом благоденствия», необходимо искоренить традиционные верования, ценности и убеждения, заперев их в ритуально-этнографический заповедник, и сформировать новую, единообразную культуру, включающую в себя некоторые внешние символы и атрибуты традиционной культуры «для экзотики» и интерьерера, как декоративные музейные фрагменты, для демонстрации «толерантности».** Цивилизация избавляется от святынь, поставив их в один ряд с профанными пародиями и объявив тривиальными. Все духовные вершины лишаются тайны, «выравниваются», поскольку в противном случае они были бы источниками повышенной опасности – ведь в любом образе святости среднему общечеловеку мерещатся репрессивные черты. Все низменное оказывается равноценным сакральному. **Ценностная вертикаль превращается в горизонталь:** оппозиция добра и зла упраздняется, и ее место занимают новые пары противоположностей: «нравится – не нравится», «интересно – скучно», «работает – не работает».

Постмодернистская культура – это ярмарка пародий, которая возникла на фоне утраты творческих сил, вдохновения и смысла.

Эпоху, которая в общекультурном смысле является постмодернистской, в религиозном смысле можно назвать эпохой неоязычества, в котором символические фрагменты различных религий, их духовных практик и «знаковых» фигур перемешаны не только со своими антиподами, но и с рекламными «фишками», и поэтому профанированы и сведены к декорациям. В политическом смысле это эпоха плюрализма и единого космополитического государства, причем, как утверждал Бодрийяр, политика тоже приобретает форму гиперреальности: партии не отстаивают и не борются за что-либо реальное, а противостоят друг другу, «симулируя оппозицию». Экономика ориентирована на каприз потребителя, тем самым окончательно поглощая и поработывая его. В этическом смысле – это эпоха так называемых «общечеловеческих ценностей», в ранг которых возведены нравственные ценности либерализма, расслабляющие человека и «освобождающие» его от последних мук совести. В эстетическом смысле это эпоха и эклектики, и пародии. Суть такого общества описал Ф.М. Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы». Великий инквизитор говорит Христу: «овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех... и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволили грешить... И не будет у них никаких от нас тайн»¹.

Провозглашая свободу, глобальное сообщество требует реального единомыслия: по вопросу о плюрализме двух мнений быть не может. В этом смысле плюрализм оказывается позицией весьма непоследовательной, поскольку некоторые фундаментальные идеи в его рамки просто не вмещаются, например, идея абсолютной истины, – ведь ни в коем случае нельзя спорить с тем, что истина относительна. Таким образом, **плюрализм вовсе не нейтрален**: относительность истины здесь расценивается как заведомо верное утверждение, ее абсолютность – как заведомо ложное. Следовательно, **под поверхностной маской плюрализма скрывается нечто иное, а именно технология приведения умов в такое со-**

---

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ч. 1-2. М., 1981. С. 325 – 329.

стояние, которое не препятствовало бы манипуляции ими. Вместо личности – масса, мягко и добровольно принявшая идею, убивающую все личное. «Политкорректность» есть, как ни странно, запрет на высказывание своего мнения, если это мнение профессионально или специфически национально-культурно, то есть стилистически ориентировано и иерархически организовано. Это парадоксально, потому что свобода, казалось бы, – одна из главных ценностей просветителей. Но каково содержание этой свободы? Просветители проигнорировали тот факт, что **«раскрепощение» человеческой личности влечет за собой не только освобождение высоких творческих сил и устремлений, но и так называемого «дионисийского» начала.** Если мы отделяем задачу соблюдения и защиты человеческих прав от нравственной ответственности человека перед Богом и людьми, то обрекаем человечество на раскрепощение страстей, на такой взрыв инстинктов, который с легкостью превратит общество рационализированного и институционализированного эгоизма в волчью стаю. Так что именем свободы здесь называется вполне определенное мировоззрение, в рамках которого человек предстает не как свободно определяющееся разумное существо, а как животное, свободное во всех своих проявлениях, в том числе самых низменных. «То, что откроется бездуховному интернационалисту, – писал Иван Ильин, – будет ... элементарная животная низина, которая даст не культурный подъем и расцвет, а *всеснижение и всесмешение*»².

«Моя свобода ограничена лишь свободой другого человека» – принцип весьма опасный, если он является **единственным** сдерживающим фактором. Рано или поздно человек скажет: «А почему я *должен* следовать тому или иному закону?». Если человек изначально ориентирован только на удовольствие, комфорт, на удовлетворение своих капризов, то все, что является для него препятствием (даже если приведен целый список рациональных доводов), рано или поздно будет агрессивно сметено, в том числе и другой человек с его свободой. **Если утрачена религиозная культура, если исчезла внутренняя гарантия легитимности социального порядка, о которой говорил Макс Вебер, то человека уже не сдержит никакая сила, кроме явного полицейского контроля**

---

² Ильин И.А. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 233.

или латентных симуляций. Но в любом случае нет никаких гарантий, что современные и все более эффективные техники управления, техники контроля за поведением людей и технологии формирования массового сознания не обернутся против свободы человека. **Новое мировое сообщество неизбежно рано или поздно станет тоталитарным полицейским государством.**

С.Н. Кузин

Социальная значимость благотворительности в российском обществе (XIX – начало XX в.)

Благотворительность как добровольная деятельность, связанная с безвозмездной передачей материальных средств, всегда играла одну из ведущих ролей в социальном процессе. Она во многом может носить инновационный характер, но участники этой деятельности не способны разрешить сложные социальные задачи только собственными силами. Надежды (которые нередко высказываются в современной России) на то, что частные инициативы способны разрешить проблемы в системе образования, здравоохранения и т.п., оказываются просто иллюзиями. Лишь совместная согласованная работа государства и общества позволяет преодолеть многочисленные кризисные ситуации в социальной сфере. Об этом свидетельствует богатый опыт России периода XIX – начала XX века, где, по сравнению с западноевропейскими странами, широкое распространение получила общественная и особенно частная благотворительность.

Особого эффекта благотворительная деятельность достигла в сфере народного образования. Одним из регионов, где благотворительность активно внедряется в процесс формирования народного образования, становится Ярославская губерния.

Долгое время частная инициатива в деле развития народного просвещения по известным причинам оставалась за помещиками. Так, одним из первых училище для крестьян было создано в 1835

году князем М.Д. Волконским в усадьбе Марьинское Мологского уезда¹.

Российское купечество активно включается в общественную жизнь уже в 80-е годы XIX в., что выражается в широкой благотворительной деятельности. Первоначально она выражалась в небольших средствах, отпускаемых уроженцами отдельных селений на содержание начальных школ. Но к началу XX столетия суммы пожертвований со стороны купцов для организации учебных заведений на своей родине исчислялись уже тысячами и десятками тысяч рублей. Примером может служить история Селищенской двухклассной школы Ростовского уезда. В 1892 году петербургские купцы, местные прихожане А.И. Улыбин и В.И. Черепенников, приобрели за 500 рублей здание на краю села Троицкий Бор для церковно-приходской школы. Однако поскольку месторасположение села было неудобным (отделено от других деревень рекой), В.И. Черепенниковым принимается решение обустроить новое училище в соседнем поселении Селищи. На выделенные купцом 4 тысячи рублей в кратчайшие сроки было сооружено здание, и школа была открыта уже в сентябре 1901 года. Спустя три года Селищенская ЦППШ переводится в двухклассную и для ее перестройки В.И. Черепенников предоставляет еще 13 тысяч рублей².

Новые задачи коммерции, острая нужда в квалифицированных кадрах среди рабочих и служащих требовали от купечества пересмотреть свое отношение к профессиональному образованию. Кульминацией здесь стали 90-е годы XIX в., когда на средства благотворителей создаются низшие механико-технические училища. Среди последних в Ярославской губернии выделились Рыбинское, открытое в 1897 году, на средства с капитала в 320 тысяч, завещанного М.Е. Комаровым, и Ярославское, появившееся три года спустя благодаря средствам, пожертвованным купцом Н.П. Пастуховым.

Среди частных благотворителей были неоднократно отмечены и крестьяне, при этом в ряде случаев вносимые суммы вполне сопоставимы по объему с купеческими пожертвованиями. В 1873 году

---

¹ Очерк деятельности Мологского уездного земства по народному образованию. Ярославль, 1905. С. 17.

² ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 1801. Л. 4.

крестьянин деревни Переслегино Мологского уезда С.Г. Ивонин на собственные средства (3050 руб.) устроил мужское училище в с. Веретье, а в 1888 году пожертвовал 3000 рублей на женскую Веретейскую школу. В последующем его поддержали земляки, жившие в С-Петербурге: по инициативе В.А. Патрухина была открыта между ними подписка в пользу мужского Веретейского училища. И хотя сумма эта не превышала 150 рублей, это была ежегодная материальная помощь на содержание данного учебного заведения³.

Мотивация в деятельности благотворителей в сфере развития народного образования могла быть самой различной. Кроме гражданского идейного подвижничества, здесь, бесспорно, играла роль повышенная религиозность. Прежде всего это относилось к старобрядцам, у которых передача средств религиозной общине и обществу являлась главной нравственной целью предпринимательства. Именно в деле, одновременно земном и духовном, лежали истоки «внутренней» и «внешней» благотворительности староверов.

Главным препятствием для благотворительности в сфере народного образования была позиция официальных властей, всеми способами пытавшихся ограничить активность общественности. Между тем и сами действия жертвователей нередко были далеки от идеала. На съезд учителей и деятелей средней школы, состоявшийся в 1906 году, приходили сообщения, что наряду «со стремлением открывать школы, где можно было бы осуществлять идеи Всероссийского союза учителей, возникают и иные, с чисто коммерческими целями, причем иногда устроители их для привлечения учеников не брезгают никакими средствами»⁴. О другом негативном факторе говорил известный представитель передовой педагогики В. Чарнолуский: «За видимой бескорыстностью деятелей просветительских организаций подчас на самом деле кроется и личное честолюбие, и карьеризм, и еще чаще та же «бескорыстная работа на пользу народного образования» является просто одной из красивых форм времяпрепровождения обеспеченных материально слоев общества»⁵.

---

³ Очерк деятельности Мологского уезда ... С. 25.

⁴ Съезд учителей и деятелей средней школы. М., 1907. С. 13.

⁵ Чарнолуский В. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 68.

Еще более сложными оказывались ситуации, когда благотворительность исходила от крестьян. В земских источниках неоднократно отмечены случаи, когда сельские жители выступали с инициативой постройки школ не из-за чистого честолюбия (название учебного заведения именем учредителя), а при особых условиях. А именно: представитель сельского сообщества предлагал осуществить совместное финансирование с местными органами самоуправления. Крестьяне-подрядчики нередко, взяв ссуды на строительство школьных зданий, не выполняли своих обязательств по срокам, а произведенные постройки часто оказывались непригодными. В других случаях сельские жители – собственники помещений, сознавая безвыходное положение земств, не стеснялись требовать повышения арендной платы, отказывались исполнять свои обязанности по ремонту и отоплению школ.

Тем самым благотворительность в сфере народного образования, как и во всей социальной политике, требовала и требует взаимной деятельности государства и общества.

Н.В. Кукина

Необходима ли России центристская партия?

Одним из важнейших условий существования многопартийной системы, как свидетельствуют примеры западного и российского партийного строительства, является наличие полноценного политического «центра» в виде действующих одной-двух политических партий центристского направления. Последние, сочетая в себе наиболее позитивные предложения партий «справа» и «слева», способствуют разрешению социально-политических и экономических проблем, не приводя к дестабилизации общества через непосредственное столкновение правых и левых сил.

Именно наличие сильного политического «центра» и стоящего за ним многочисленного среднего класса из числа мелких и средних предпринимателей, научно-технической и творческой интеллигенции, высококвалифицированных рабочих, стали важнейшей

базой политической стабильности во многих странах западной демократии¹. И, наоборот, отсутствие этих составляющих в политической системе и социальной структуре российского общества на протяжении всего XX и в начале XXI в. было, на наш взгляд, главным препятствием формирования гражданского общества. Более того, это явилось причиной вырождения возникшей многопартийности начала XX в. (после известного царского Манифеста от 17 октября 1905 г.²) в однопартийную коммунистическую систему.

Если речь идет о формировании политической партии центристского характера, то исторически в России имелись подобного рода партии, которые вполне претендовали на данную роль. В дореволюционный период такой политической силой могла стать партия конституционных демократов или кадетов (лидер – П. Милюков). Исходя из своей программы, данная политическая организация занимала промежуточное положение в иерархии между левыми (РСДРП, эсеры) и правыми (октябристы, черносотенцы) партиями.

В перестроечный период руководство КПСС в лице М.С. Горбачева предприняло попытку превращения коммунистической партии в центристскую в условиях возросшего тогда противоборства между демократическими и консервативными силами. М.С. Горбачев отмечал: «Главная идея центризма на сегодняшний день и на перспективу – это, безусловно, идея гражданского или национального согласия. Формула национального согласия должна вытекать из предложенной концепции демократического социализма, ибо она содержит достаточно универсальные, общедемократические требования: правовое государство, разделение властей, смешанная рыночная экономика, социальная справедливость, права, свободы человека ... Следует добиться, чтобы именно КПСС стала интегрирующим фактором всех центристских сил. Для этого она должна преодолеть внутри себя центробежные силы, должна стать динамичной, открытой. Определить свою позицию как по отношению к догматично-консервативным силам, выступающим за социализм

---

¹ Рябов А.В. Выстрадает ли Россия центризм? // Кентавр. 1992. Сентябрь-октябрь. С. 20.

² Касвинов М.Н. Двадцать три ступени. М.: Мысль, 1997. С. 164-165.

без демократии, так и к либерально-буржуазным силам, выступающим за демократию без социализма»³.

Несмотря на поддержку этой идеи Б.Н. Ельциным⁴, лидером реформаторских сил, ей не суждено было осуществиться. Развязкой политического противостояния между демократическими и консервативными силами стали события 19 – 21 августа 1991 года, когда группа высших должностных лиц во главе с вице-президентом В. Янаевым заявила о создании Государственного комитета чрезвычайного положения СССР (ГКЧП). Ее усилия по восстановлению СССР доперестроечного периода сорвались и закончились утверждением власти реформаторских сил.

В постперестроечный период идея создания «полноценного центра» в многопартийной системе современной России становится более актуальной. Все устали от политических конфликтов, ассоциируя партийный плюрализм с расколом и хаосом в стране. Властные государственные структуры, понимая значимость центристской политики, как стабилизирующего фактора в обществе, предпринимают в политологическом отношении определенные шаги в данном направлении. В частности, партия власти «Единая Россия» в качестве центристской политической силы учитывает как праволиберальные, так и левые идеи. И действительно, если судить по программе, то в основе ее идеологии наряду с либеральными лежат державно-патриотические ценности⁵. Это позволило «Единой России», прежде всего, на выборах в Государственную Думу РФ (декабрь 2003 г.) получить приоритетное количество голосов избирателей, значительно ослабив электоральную поддержку левого крыла в лице КПРФ и правого – СПС и «Яблока».

Особенность функционирования центристской партии «Единая Россия» заключается в том, что ее социальная база – не средний класс (как это имеет место в странах со сложившимся гражданским

---

³ Горбачев М.С. Выступление на встрече с общественностью Могилевской области БССР 28 февраля 1991 г. // Известия. 1991. 2 марта.

⁴ «У нас с ним есть, конечно, разница в политических линиях, но если речь пойдет о том, чтобы защитить страну от правых (т.е. коммунистов-ортодоксов, как тогда политически демократы определяли тех, кто придерживался фундаментальных марксистско-ленинских идей. – Н.К.), то мы объединимся» / Ельцин Б.Н. Интервью корреспонденту газеты «Известия» // Известия. 1991. 16 апреля.

⁵ Официальный сайт «Единая Россия» – www.edinros.ru

обществом), а бюрократический аппарат. В политологической литературе существование этого специфического феномена в политической жизни России объясняется следующим образом:

- «неспособностью адаптироваться к рыночным реформам большого числа людей, а отсюда – поиск «патрона»;
- слаборазвитой способностью россиян к самоорганизации;
- отсутствием сформировавшейся системы институтов гражданского общества»⁶.

В многонациональной России исторически власть всегда воспринималась как политический центр, скрепляющий в единое целое народы и территории. Вот почему на партию власти возлагают надежды как на своеобразную политическую силу, с помощью которой на соответствующей идеологической основе произойдет сплочение общества и государства.

С точки зрения развития многопартийности и других институтов гражданского общества России необходима центристская партия. Политическая история России наглядно продемонстрировала: отсутствие полноценной центристской партии обернулось трагическими политическими событиями – гражданской войной начала XX в. и упразднением СССР в конце XX в.

---

⁶ Россия: партии, выборы, власть / Под общ. ред. Краснова В.Н. М.: Обозреватель, 1996. С. 19.

В.М. Мелиховский

Институциональные основы муниципального управления

Муниципальное управление традиционно рассматривается с точки зрения иерархической структуры. Соответственно анализируются финансовые потоки, функции органов управления. Однако в современных условиях все большее внимание уделяется институциональным аспектам. В связи с этим рассматриваются такие вопросы, как степень развития норм и правил (формальных и неформальных), материальные условия их реализации, разграничение прав, обязанностей и ответственности между органами власти разного уровня – федерального, регионального, муниципального.

Общие институциональные основы заложены в законе РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления» (1996 г.), а также новом законе «Об общих принципах местного самоуправления», введенном в действие с 1 января 2006 года. Они дополняются целым рядом региональных и местных правовых документов. Но, как показывает практика, многие сферы деятельности органов власти остаются вне регулирования. Часто это объясняется качеством работы законодателей. Возник даже особый термин – «поправочное законодательство». По данным аналитиков, в 2004 и 2005 годах абсолютное большинство принятых Госдумой РФ законов составляли поправки к уже действующим законам. Так, в Налоговый кодекс в 2005 году было внесено 23 изменения¹. Аналогичная ситуация с блоком документов о местном самоуправлении.

Другая проблема – наличие большого количества «белых» пятен в деятельности органов власти, которые находятся вне сферы правового регулирования. Наиболее ярко эта ситуация проявляется при оценке уровня «теневой» экономики. Так, по данным, которые были озвучены на совещании по вопросам безопасности, в Южном федеральном округе на конец 2005 года теневой сектор составлял

---

¹ См: Российская газета. 2006. 25.01.

от 40 до 50 процентов, в Северной Осетии – 80 процентов, в Дагестане – 75 процентов². Тем самым теневые финансовые ресурсы составили по Южному федеральному округу на конец 2005 года 56,5 млрд. рублей, что существенно искажает официальные данные об уровне благосостояния населения. Указанные республики занимают низкие места в рейтинге регионов по уровню средней заработной платы и занятости граждан. Подобные явления имеются и в других регионах, но общественность об этом информируется нерегулярно и не в полном объеме.

Существенное внимание необходимо уделить развитию институциональных основ финансовых отношений. Так, нуждаются в уточнении некоторые базовые понятия, высказываемые в учебных пособиях. Так, Л.Л. Игонина полагает, что «в институциональном аспекте финансовая система выступает как совокупность финансовых учреждений»³. По нашему мнению, такое определение является неполным. В него должны включаться нормы и правила, а также инструменты финансового регулирования. Кроме того, наряду с публичными финансовыми органами должны учитываться общественные организации и объединения трудящихся, которые участвуют в формировании финансовых потоков на местах (например, кредитные товарищества, кассы взаимопомощи).

При развитии институциональных основ финансового управления важно последовательно реализовать принципы (правила), сформулированные в Европейской хартии местного самоуправления, в частности:

- субсидиарность,
- достаточность ресурсов (между наличием финансовых ресурсов и полномочиями),
- взаимодополняемость (делегирование полномочий сверху вниз),
- транспарентность (прозрачность),
- солидарность, достижение экономического и социального единства.

На конференции европейских министров, ответственных за местное самоуправление (октябрь 1996 г., Лиссабон), структура и

---

² См: Российская газета. 2006. 25.01.

³ Игонина Л.Л. Муниципальные финансы: Учебное пособие. М., 2003. С. 28.

перечень правил были существенно расширены. Наряду с общими принципами финансовой деятельности, выделены принципы осуществления текущих расходов, финансового выравнивания, осуществления капитальных расходов и задолженности⁴.

Указанные принципы имеют первостепенное значение при решении такой актуальной проблемы, как оптимизация источников финансового обеспечения муниципальных образований. По нашему мнению, можно выделить следующие принципы построения теоретической модели оптимизации источников применительно к современному этапу развития местной экономики РФ (правило 1/3):

а) государственная поддержка (субсидии, субвенции) – только для решения приоритетных и капиталоемких задач, для реализации которых у местной власти не хватает ресурсов (не более 1/3 расходов, чтобы не поощрять иждивенчество);

б) оптимизация местного налогообложения (по опыту западных стран – не более 1/3 доходов бюджета);

в) использование налогов для развития местного экономического потенциала (рост стимулирующей функции налогов);

г) рост доли неналоговых доходов (не только сборов и платежей за услуги, но и прибыли от деятельности местных экономических структур – не менее 1/3 доходов).

Однако следует иметь в виду, что указанные принципы не всегда действуют в одном направлении. Характер их взаимодействия противоречив. Поэтому общий вектор движения во многом зависит от целенаправленной деятельности местных органов власти.

---

⁴ См: Финансовые проблемы: местные финансы в европейских странах. М., 2000. С. 265.

И.Г. Переломова

**Количественные оценки
определения современного этапа
развития мирового хозяйства**

С развитием информационных технологий и с все большим использованием информации во всех социально-экономических процессах и явлениях происходит трансформация в структуре факторов производства, центром которой становится информация. Все факторы, вовлеченные в процесс производства, имеют информационную составляющую, в том числе и организация. Существование и развитие организации находится в прямой зависимости от информационных потоков, циркулирующих как во внутренней, так и во внешней среде. Информация необходима для принятия управленческого решения на различных уровнях организационной структуры. Следовательно, от полноты, оперативности и качества обработки информации будет зависеть успех организации в условиях неопределенности и риска.

Экономическая теория информации как составная часть общей экономической теории, по нашему мнению, включает экономические отношения по поиску *оптимальной информации* на рынке информационных ресурсов, использованию ее как одного из ведущих факторов производства для организации хозяйственной деятельности и как инструмент эффективного управления экономическими и социальными процессами. Следовательно, по нашему мнению, главное отличие такого определения от других – *системность*.

В настоящее время возникают новые признаки предмета экономической теории информации. В частности, поиск информации выходит на межстрановой уровень, в связи с чем решаются новые задачи по обеспечению конкурентоспособности страны на глобальном рынке. Возникает межстрановая конкуренция: по вопросу

об обеспечении высокоскоростной информационной экономики в противовес медленному информационному производству¹.

На основе развития Интернет-экономики возникает потребность по-новому институционально регулировать рынок факторов производства, т.е. создавать нормы и правила, которые позволяли бы регулировать межстрановые таможенные отношения, модифицировать налогообложение в сфере международной электронной торговли. Соответственно должны быть сформулированы международные экономико-правовые органы в рамках Всемирной торговой организации, которые бы проводили мониторинг рынка электронной торговли и разрабатывали свои рекомендации. Необходимо формировать особую отрасль международного права – «Интернет-юриспруденцию».

Процесс глобализации сопровождается изменениями в организационно-экономических отношениях, в структурах управления. Появляются новые виды – сетевые предприятия, в которых последовательность команд иерархической структуры заменяется цепочкой заказов на поставку продукции и развитием взаимоотношений с другими фирмами. Сети представляют собой совокупность фирм или специализированных единиц, деятельность которых координируется рыночными механизмами вместо командных методов. Они рассматриваются как форма, отвечающая современным требованиям внешней среды.

Среди разнообразных моделей глобализации выделяется модель глобальной системы, трактующая глобализацию с точки зрения трансформации всего общественного устройства, в рамках которой представляется наиболее удачным осуществлять анализ роли информационных технологий в протекающих глобальных процессах.

Можно выделить позитивные и негативные стороны глобализационных процессов с точки зрения их воздействия на общественное благосостояние в мировом масштабе, однако в любом случае следует признать неизбежность происходящих изменений, а

---

¹ Melikhovskiy V.N., Perelomova I.G. Globalization and Development of the Subject of Economic Theory of Information // Мировое сообщество и глобализация: социокультурные, политические, экономические и исторические аспекты: Сб. науч. тр. Ярославль, 2006. С. 63 –66.

следовательно, необходимость принятия адекватных этим изменениям решений.

Для измерения степени глобализации выработано несколько показателей. Среди них есть абсолютные показатели, например, число транснациональных корпораций и их доля на мировых рынках, количество мигрантов в мире и т. п. Существуют также показатели, которые сложно выразить количественно, например, уровень культурной трансмиссии или социального неравенства.

Самым общим можно назвать *индекс глобализации*, который выводится на основе таких параметров, как участие в экономической интеграции, международные обязательства, персональные связи и темпы развития информационных технологий.

К экономическим показателям глобализации относятся показатели степени интегрированности национальных хозяйств в мировое, например:

- *показатель подъемов и спадов процессов хозяйственной интернационализации*, который представляет собой разницу между темпами роста международной торговли и мирового производства;

- *индекс транснациональности*, используемый ООН и исчисляемый как средняя величина трех соотношений (иностранных активов ТНК ко всем активам компаний, действующих на национальном рынке; зарубежных продаж ко всем продажам, осуществляемым компаниями, действующими на национальном рынке данной страны; занятых иностранных рабочих ко всем занятым на национальном рынке);

- *показатель интернационализации капитала* – соотношение между объемом международных операций с акциями и облигациями и мировым ВВП.

Но количественных оценок для определения современного этапа развития мирового хозяйства как глобального недостаточно. Качественной отличительной особенностью современной глобализации является ее всеохватывающий характер, втягивание всего мирового сообщества в открытую систему общественно-политических, финансово-экономических, социально-культурных связей на основе новейших коммуникационных и информационных технологий. Происходит не просто ускорение коммуникативных процессов в мире, а *осуществление коммуникаций в режиме реального времени*. Именно этот аспект подчеркивает, отмечая

особенности процесса глобализации, М. Кастельс: «Глобальная экономика ... это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»².

Таким образом, с учетом глобализации предмет теории информационной экономики должен быть уточнен. В него нужно включить вопросы выявления новых видов межстрановой конкуренции, новых организационных структур по регулированию сетевого Интернет-рынка. Одновременно предполагается, что и уже известные свойства информационной экономики сохраняются, но претерпевают серьезные изменения. Речь идет о преобразовании рынков факторов производства в новые информационно-инновационные рынки и соответственно типы воспроизводства, о новой системе показателей эффективности информационного поиска, результативности электронного бизнеса.

Л.Д. Руденко

Проблема неравенства в процессах глобализации

Сегодня трудно найти более цитируемое и обсуждаемое понятие, чем глобализация. В немалой степени этому способствуют научные споры, которые ведутся вокруг ее положительных и отрицательных сторон. Первоначально трактуемая как «социальное благо», к началу XX в. глобализация превратилась в объект критики со стороны представителей кампании за «глобальную справедливость». В настоящее время большая часть философов и социологов (к точке зрения которых присоединяется и автор данной статьи) считают, что даже сама идея глобализации оказалась слишком «переоцененной».

---

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / Пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.

Безусловно, появлению феномена глобализации способствовал ряд факторов как политических, так и экономических, и информационных. Среди них не последнее место занимают новые межправительственные организации (МПО) и международные механизмы политического управления (ЕС, ООН); бурное совершенствование информационных технологий; послевоенное развитие транснациональных корпораций. Сторонники глобализации апеллируют в основном к экономическим аспектам глобализации, рассматривая ее как новый мировой порядок международной торговли и производства (т.н. «глобальный капитализм»). Так, Кениши Омое рассматривает ее как дорогу к миру, где рыночные силы имеют большую власть, чем национальные правительства.

Кроме экономических вопросов, сторонники глобализации оправдывают ее «благом» созданием идеологии глобальности – системы социально значимых общественных идеалов. Гиперглобалисты доказывают даже неизбежность глобального гражданского общества. Вместе с тем оптимальные научные теории глобальной идеологии пока не выработаны. Так, модели империализма К. Маркса, Д. Гибсона оказались несостоятельными, а модели зависимого мира А. Франка, Ф. Кардозо – неприемлемыми для «бедного» Юга. Таким образом, наука пока не в состоянии обеспечить теоретическую базу для идеологии глобализации.

И, наконец, еще один важный аргумент гиперглобалистов – возможность обмена социальными ресурсами, в том числе и человеческим капиталом, что способствует эффективной самореализации человека. Однако для стран-доноров потеря высококачественного человеческого потенциала может принимать масштабы национальной трагедии. Россия в связи с массовой эмиграцией в 1990-е гг. около 1 млн ученых (а эмигрировали целыми научными школами) уже испытала на себе опасность роли страны-донора.

Одновременно с красивыми «лозунгами» четко прорисовываются и риски глобализации, связанные с нарастанием опасностей. У. Бек небезосновательно полагает, что они способствуют формированию «глобального общества рисков».

Важной проблемой глобализации прежде всего остаются неравные стартовые возможности государств, этносов и социальных слоев – ее участников. Это, безусловно, усиливает поляризацию богатых и бедных, что является причиной возникновения рисков

(рост изоляции и маргинализации). Осуществляемая сегодня по западной модели глобализация вызывает дифференциацию населения внутри самой страны, что увеличивает бедность и отчуждение. По данным социолога В.Я. Ельмеева, в настоящее время разрыв в уровне оплаты труда работников с самой низкой и наиболее высокой заработной платой увеличился с 1:4 в начале 1990-х гг. до 1:26¹.

Глобальный потребительский рынок с его широчайшими предложениями и жизненными стандартами Запада привел к всплеску девиаций. Например, в современной России ежегодно совершается более 2,5 млн преступлений. Из числа лиц, совершивших преступления, более 50% приходится на молодежный возраст (лица 14 – 29 лет). В Ярославской области в 2004 г. удельный вес только несовершеннолетней преступности составил 15%. Именно эта возрастная группа наиболее восприимчива к тому, что Р. Мертон назвал «напряжение». По данным социологических исследований, в современном российском обществе среди молодежи «богатство» выступает признанным символом успеха. Однако ее большая часть при крайне ограниченных социально-экономических возможностях не может добиться богатства легальными способами. Таким образом, девиантное поведение российских подростков может быть расценено как противоречие между социальными устремлениями и средствами их удовлетворения.

Глобализм делает «лишними» и многие профессиональные группы, которые не смогли адаптироваться к его условиям. Например, в 2001 г. в Южной Корее наблюдались массовые протесты крестьян-производителей риса, недовольных открытием, по требованию ВТО, внутреннего рынка риса. Туда стал поставляться рис из Индонезии, который дешевле корейского. Однако социологи не разделяют оптимизма экономистов. Их прежде всего интересует ответ на вопрос: что делать с теми крестьянами, которые оказались в один момент «лишними» на рынке труда?

Глобальная мировая экономика создала условия и для усиления экономической дифференциации между странами: богатые страны богатеют, бедные – становятся еще беднее. Э. Гидденс приводит следующие данные из «Доклада о развитии человечества» за

---

¹ Ельмеев В.Я. Теория и практика социального развития. СПб., 2004. С. 11.

1999 г. (ООН): в конце 1990-х гг. 20% мирового населения потребляло 86% всех производимых в мире товаров и услуг. Среди развивающихся стран мира только 23 могут считаться «быстро интегрирующимися» в мировую экономику².

Однако негативное влияние глобализации не ограничивается экономическими аспектами. Наиболее остро сегодня стоит проблема культурной глобализации, то что американский социолог Д. Ритцер назвал «макдонализацией»: унификация культур на примитивном уровне. Россия переходного периода является ярким примером влияния культурного этропоцентризма и культурного империализма. Проведенный контент-анализ программ российских телевизионных каналов позволяет сделать вывод о том, что американские фильмы составляют 75% всех демонстрируемых фильмов. Сегодня перед Россией серьезно встает проблема, которую Ганнерс обозначил как «периферийная коррупция» – осваивание только низкопробных образцов культур, в данном случае западных: порнография, «мыльные» сериалы, триллеры и т.д.

---

² Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 157.

М.А. Рутковский

Участие ярославских профсоюзов в эвакуации населения и промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны

Проблема эвакуации населения и промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны уже получила определенное отражение в имеющейся литературе. В меньшей степени, однако, раскрыта роль профсоюзов в этом процессе, в том числе – ярославских.

Уже 24 июня 1941 г. СНК и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О создании Совета по эвакуации» во главе с Л.М. Кагановичем, вместо которого 16 июля был назначен Н.М. Шверник.

Как известно, Шверник в тот период возглавлял ВЦСПС и его новое назначение было далеко не случайным. Нередко это объясняют тем, что он, безусловно, пользовался высоким авторитетом не только в профсоюзах, но и у населения страны в целом.

Но главное как раз заключалось в том, что Н.М. Шверник, будучи руководителем ВЦСПС, располагал огромным и хорошо организованным снизу доверху профсоюзным аппаратом, позволяющим наиболее эффективно обеспечить эвакуацию предприятий, демонтаж и отправку машин, станков и оборудования в глубь страны. Это назначение к тому же возложило на профсоюзы ответственнейшую задачу создания необходимых условий для труда и жизнедеятельности рабочих и служащих эвакуированных фабрик и заводов¹. Принятое в октябре 1941 года специальное решение секретариата ВЦСПС обязывало профсоюзы принимать самое активное участие в эвакуации предприятий и населения из западных

---

¹ История профсоюзов России. М., 1999. С. 237.

районов страны в восточные. Особая ответственность ложилась на профсоюзные организации железнодорожного транспорта.

Именно тогда (в октябре) для наиболее оперативной координации действий военных и гражданских операций (в т.ч. профсоюзов) в Ярославле был создан городской комитет обороны, председателем которого стал Н.С. Патоличев, как первый секретарь, имевший самые широкие полномочия и в масштабе всей области.

Известно, что Ярославль в военные годы являлся одним из важнейших эвакуационных пунктов страны. Такое же примерно значение имели тогда и лежавшие в ближней тыловой зоне Ивановская, Вологодская, Горьковская, Кировская области и республики Поволжья. Именно в средней полосе европейской части страны сконцентрировалась в июле-августе 1941 года основная масса людей, укрывшихся от германского нашествия. Так, только в Ярославль по Северной железной дороге были выведены десятки тысяч эвакуированных из республик Прибалтики, Ленинградской, Калининской, Смоленской областей и других подвергшихся оккупации регионов. На 10 ноября 1942 года в Ярославской области насчитывалось 263 133 эвакуированных, в том числе 120 035 детей. В городах было размещено 40 723 человека, в сельской местности – 222 410. Число эвакуированных из прифронтовой полосы составляло 97 752, из Москвы – 26 847, из Ленинграда – 138 534. С эвакуированными предприятиями прибыл 2 221 рабочий².

В целом же по стране в 1941 – 1942 годах было эвакуировано и размещено в восточных районах (преимущественно в Сибири, на Урале и в Средней Азии) 2,5 тысячи промышленных предприятий и 17 миллионов человек³. Кроме того, были вывезены сотни тысяч голов скота, значительная часть продовольствия, зерна, сырья, промышленных товаров. Уже осенью 1941 года и зимой 1942-го эвакуированные предприятия приступили к работе⁴. А профсоюзные организации участвовали в обустройстве рабочих мест, налаживании безопасных условий производства военной продукции.

Уже по прибытии людей и оборудования на места, координируя свою деятельность с партийными и советскими органами,

---

² Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-2380. Оп. 3. Д. 228. Л. 60.

³ История профсоюзов России. С. 299.

⁴ История профсоюзов России. С. 299.

профсоюзы сразу не подключались к практическому решению вопросов размещения, организации быта и трудоустройства эвакуированных. Распределялись одежда, обувь и продукты питания. Дополнительная помощь – в первую очередь материальная – оказывалась семьям военнослужащих и бойцов истребительных батальонов, а также семьям погибших в боях воинов.

Особая забота проявлялась об эвакуированных детях. Специальные рубрики в периодической печати привлекали внимание общественности к этому вопросу в течение всех военных лет. «По-заботиться об эвакуированных, об их детях, – призывала, в частности, газета «Северный рабочий» в номере за 30 декабря 1942 года, – помочь им – долг всех советских людей, всех работников советского аппарата и общественных организаций...»⁵.

Как правило, детям выделялись одежда и специальное питание. Ребят, лишившихся родителей, направляли в специальные детские дома. Вот как рассказывается о помощи эвакуированным детям на фабрике «Красный Перекоп» в вышедшей в 1972 году одноименной книге: «Главная забота о детях, оставшихся без родителей. Она легла прежде всего на профсоюзную организацию, руководителем которой являлась Надежда Гавриловна Анисимова. Пленум фабкома 26 июля 1942 года решил для всех таких ребят открыть интернат. Быстро нашли помещение, но тяжело было со средствами. Обратились в Наркомат, ЦК профсоюза, пошли по цехам, по бригадам, рассказали о бедственном положении безнадзорных ребят, просили совета. И коллектив оказал действенную помощь. В один из дней вся фабрика работала для интерната – рабочие отдали детям свой заработок»⁶.

А взрослые эвакуированные самоотверженно трудились для фронта и укрепления советского тыла. Вместе с ярославцами они работали на строительстве оборонительных сооружений, на предприятиях, в колхозах и совхозах, принимали участие в социалистическом соревновании, осваивали новые специальности. Довольно характерную картину в первое военное лето представляли собой группы эвакуированных на колхозных и совхозных полях нашей

---

⁵ Северный рабочий. 1942, 30 дек.

⁶ Герасимов Н.В., Карасев С.М., Тарасов Е.П. Красный Перекоп. Ярославль, 1972. С. 252.

области, где они заменили в какой-то мере ушедших на фронт местных жителей. Разумеется, все эти люди столкнулись и с немалыми трудностями материального порядка и социальной адаптации, особенно в самом начале выпавших на их долю испытаний.

«Спасибо за заботу и внимание!» – под таким характерным заголовком 25 эвакуированных ленинградцев опубликовали в районной газете «Путь Ильича» (Гаврилов-Ям) за 26 февраля 1942 года заметку со словами благодарности за оказанную им помощь: «Мы, группа эвакуированных, выражаем нашу общую признательность и благодарность всей общественности города Гаврилов-Ям, оказавшей нам столько внимания и заботы с момента нашего приезда и во время пребывания здесь. Благодарим районную комиссию по приему эвакуированных и коменданта общежития тов. Осташева за чуткое и внимательное отношение к приезжим из прифронтовой полосы..., за неоценимую заботу и внимание к людям, в частности, и к нам – ленинградцам»⁷. Но немало ленинградцев, скончавшихся от дистрофии и других болезней после пережитой блокады, навеки осталось лежать в ярославской земле...

Е.В. Седунова, Н.А. Соловьева

Некоторые аспекты интегрированного образования инвалидов

По статистическим данным в Российской Федерации проживают около 11 миллионов инвалидов трудоспособного возраста. Постоянную работу имеют только 13 – 15% из них. Причем из инвалидов, получивших высшее профессиональное образование, имеют постоянную трудовую занятость лишь 60%.

Проблема получения инвалидами средне-специального и высшего образования в последние годы находится в центре внимания специалистов и широкой общественности. Переосмысление государством и обществом отношения к инвалидам ведет к поиску путей расширения возможностей получения образования лицами с

---

⁷ Путь Ильича (Гаврилов-Ям). 1942, 26 февр.

различными ограничениями жизнедеятельности, что в свою очередь вызывает необходимость внедрения интегрированного образования как закономерного этапа развития системы специального образования.

Интегрированное обучение студентов-инвалидов в сузе или вузе означает получение выбранной ими специальности в полном соответствии с государственными стандартами по общему для всех студентов учебному плану и графику учебного процесса в общепринятых формах (очное, вечернее или заочное обучение). Однако на современном этапе интегрированное обучение – не просто включение студентов-инвалидов в стандартный учебный процесс, но и реализация комплекса мероприятий по оказанию им вспомогательных услуг и созданию системы психолого-педагогического и реабилитационного сопровождения.

В Российской Федерации обучение студентов-инвалидов осуществляется в четырех основных формах: в специализированном вузе или сузе; в отдельной группе в обычном вузе или сузе; обучение на общих основаниях, но с оказанием им в центрах поддержки помощи, способствующей нивелированию специфических трудностей; обучение на общих основаниях без получения дополнительной поддержки со стороны учебного заведения или общественных организаций. В России к специализированным вузам относится единственный в мире Московский государственный гуманитарный институт-интернат.

Основоположником получения высшего образования студентами-инвалидами в мире стал МГТУ им. Н.Э. Баумана, где еще в 1934 году был создан центр комплексной реабилитации инвалидов по слуху.

Накопленный десятилетиями опыт стал основой для организации центров комплексной реабилитации инвалидов на базе многих ведущих высших учебных заведений страны, в частности и институтов социального развития Новосибирского государственного технического университета, Челябинского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Московского педагогического государственного университета, Красноярского государственного торгово-экономического института и др.

Одной из основных задач комплексной образовательной программы для инвалидов является создание условий доступности образования для этой категории обучающихся через организацию адаптивно-развивающей безбарьерной среды.

Одним из основных условий решения данной задачи является свободный доступ к информационным ресурсам через внедрение компьютерных технологий. Использование информационных компьютерных технологий предопределяет доступность информации как в ее количественном, так и в качественном выражении.

Именно применение информационных ресурсов путем использования высоких технологий и современной компьютерной техники позволяет ориентировать студентов-инвалидов на получение профессий высокоинтеллектуального труда, быть активными конкурентоспособными субъектами на рынке труда среди юристов, экономистов, дефектологов, лингвистов, программистов, преподавателей.

В последние годы компьютерные технологии широко используются как в сфере среднего, так и высшего образования. Они открывают возможности для получения совершенно новых, до сих пор не доступных профессий, способствуют повышению эффективности труда на уже созданных рабочих местах, позволяют оперативно получить информацию по различным областям знаний, дают возможность осуществления дистанционного обучения новым специальностям и повышения квалификации по уже имеющимся.

Особое значение применение компьютерных технологий в образовании имеет для людей с различными ограничениями зрения. К сожалению, центральные российские библиотеки для слепых в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске не удовлетворяют спроса в информационных ресурсах, так как аудиозаписи учебных, методических и научных публикаций, необходимых для получения высшего образования по большинству специальностей, отсутствуют. Это объясняется экономической несостоятельностью данных библиотек. Единственный в России «Издательско-полиграфический тифлоинформационный комплекс «Логос» ВОС», имеющий статус общества с ограниченной ответственностью, занимающийся записью материалов на аудионосители, ори-

ентирован в основном на художественную, популярную литературу, причем тираж каждой аудиокниги – всего сто экземпляров.

Невозможно переоценить значимость внедрения компьютерных технологий в процесс обучения незрячих студентов в рамках решения вопроса организации безбарьерной информационной среды. Но, к сожалению, существует ряд объективных сложностей освоения и применения компьютерной техники и современных информационных технологий. В настоящее время не разработаны методики дистанционного образования инвалидов по зрению. Кроме того, повсеместное внедрение компьютерных технологий в образовательную деятельность инвалидов по зрению затруднено в связи с дороговизной специализированного оборудования и программного обеспечения, а также практическим отсутствием квалифицированных, специально подготовленных кадров (преподавателей компьютерной грамотности, специалистов по установке и наладке тифлооборудования и др.).

Еще одной важной задачей, которую необходимо решить силами центров комплексной реабилитации, является формирование у здоровых людей адекватных установок к инвалидам и внедрение в реабилитационную практику психологических техник и технологий, способствующих формированию у самих инвалидов адекватного отношения к своему дефекту.

В настоящее время открытие комплексных реабилитационных центров в различных регионах страны с целью создания безбарьерной среды для получения образования и участия в дальнейшем в профессиональной деятельности инвалидов сопряжено с рядом трудностей. Так, отсутствуют нормативы организации учебного и реабилитационного процессов; нет материально-технической базы; не институционализирована подготовка психолого-педагогического, кадрового состава; не разработано специальное методическое и научное сопровождение; не утвержден государственный стандарт профессиональной реабилитации инвалидов; отсутствует единый подход к реализации учебного процесса в условиях интегрированного обучения.

Таким образом, в полной мере вопрос получения профессионального образования людьми с ограниченными возможностями может быть решен лишь при активном и заинтересованном участии государства в процессе создания необходимых специальных

условий психолого-педагогического и реабилитационного сопровождения образовательного процесса студентов-инвалидов.

Л.Г. Титова

Технологизация российской политической власти в период реформ

В условиях реформ российская политическая власть приобретает все более технологичный характер. Под технологичностью власти следует признать, на наш взгляд, способы властной деятельности по достижению не социального, а властно значимого результата. Не технологии, а именно технологичность является характеристикой власти, особым способом ее легитимизации в условиях переходного периода.

Применяя методику исследования формальных и неформальных институтов В.Я. Гельмана¹, можно выявить глубинные источники технологизации российской политической власти. Он утверждает, используя, в свою очередь, классификацию М. Вебера, что при традиционном и харизматическом господстве усиливается роль неформальных институтов, которая влечет за собой действия власти, направленные на самосохранение, так как при этом власть начинает ощущать угрозу своей устойчивости. Распространение неформальных отношений и институтов в традиционной и харизматической системе власти предполагает ориентацию власти на процесс достижения, сохранения и удержания, однако при этом властные субъекты, не опирающиеся на социальную поддержку и не нуждающиеся в ней, находят опору в институтах традиций. Это, по всей видимости, и является следствием того, что власть при этом не прибегает к специальным технологиям для самосохранения и самоудержания. Отсюда можно предположить, что властные технологии остаются неизменными и каждый властный субъект в ка-

---

¹ Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 6-25.

ждую данную эпоху «выбирает» из раз и навсегда созданных арсеналов власти тот или иной ресурс.

Харизматическая же власть устанавливается в переходные, кризисные периоды, в авторитарных режимах, как правило, опирается на персональные свойства лидера и поддержку его ближайшего окружения. В периоды транзита происходит смена политических институтов, когда одни институты уже перестают существовать (или играть ту роль, которую они играли в предыдущем режиме), а другие только формируются. Не имея устойчивой институциональной основы, политическая власть этого периода вынуждена искать поддержку у определенных социальных групп. Другими словами, потеряв традиционные способы легитимизации, харизматическая персонифицированная власть вынуждена создавать свои способы легитимизации. Распространяется популизм, мифы и утопии, призванные «убедить» основную массу населения признать существующую власть, независимо от того, реализуются ли в действительности, а не риторически требования общества.

На этой стадии социально-политического процесса власть не только активизируется в поисках средств и методов своего осуществления и сохранения, но даже технологизируется. Причинами власти, замкнутой на самое себя, ориентированной на способы и методы самосохранения, являются: слабость формальных институтов; внеправовой характер деятельности властных структур, разрыв с традицией, которая была способом существования традиционных формальных институтов.

Россия, как переходное общество, является обществом смешанным, власть которой совмещает традиционные, харизматические и рациональные черты. Слабость государства проявляется в этот период в усилении роли бюрократии, особенно ее низовых звеньев, ослаблении контроля общества над властью и верхних звеньев государства над нижними, реализации интересов узкого социального слоя, создается иллюзорная децентрализация и воспроизведение в регионах централизации и концентрации власти, присущей Центру, криминализация власти. Характерно, что сохранение ряда традиций в этих условиях способствует адаптации, выживанию общества, в то время как властные технологии разрывают с традицией и представляют собой комплекс быстро меняющихся воздействий на общество, трансформирующихся от одной избира-

тельной кампании к другой, пополняя арсенал средств, операций и техник, делаясь все более изощренными и все более обнаруживая склонность к произвольному и безграничному манипулированию. Своеобразной реакцией общества на технологизацию власти становится формирование партикуляризма, стремление к сохранению традиции как опоры выживания и приобретения социальной устойчивости. Однако для власти транзитного периода традиция из ядра культуры, обеспечения преемственности сохранения наиболее устойчивых и важных для общества ценностей сама превращается во властную технологию.

Опасность властной технологизации заложена в российской политической культуре российской политической элиты, стремящейся всегда и всеми способами подчинять себе общество. В свою очередь, в российском политическом сознании выработано "хроническое ощущение собственной несвободы", усиливающееся при осознании ухудшения своего социального положения². В настоящее время снова воспроизводятся эти состояния элиты и общества.

Действия эндогенных (внутренние социальные противоречия) и экзогенных (влияния извне, противоречия в международном масштабе) факторов создают у российской власти необходимость искать новые ресурсы для легитимизации в условиях разрушения традиций, формальных институтов и появления и активизации неформальных институтов, по отношению к которым власть, как правило, выступает манипулятором в силу несформировавшихся у нее правовых и экономических ресурсов социального регулирования.

Практика показывает, что технологизация власти усиливается в те периоды, когда углубляется кризис и формируется база социальных конфликтов. Недостаточность технологических ресурсов приостанавливает разрешение конфликтов и не дает возможности их предупреждения. Тогда перед властью особенно остро встает вопрос о ее статусе и перспективах. Разрешение конфликтных ситуаций в этих условиях ведет не столько к укреплению власти как института управления и регулирования, сколько к формированию у власти способности к манипулированию.

---

² Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 47.

П.Г. Уткин

О некоторых аспектах современной молодежной политики в России

Появление термина «молодежная политика» связано с процессами трансформации российского общества, которые привели к появлению новых социально-политических институтов, таких как демократические общественные объединения, самостоятельные партии, независимые от государства бизнес-структуры, которые начали деятельность по вовлечению молодых людей в круг своих интересов, что и привело к появлению разноплановых стратегий в работе с молодежью и к появлению нового для России понятия. В современных исследованиях выделяют не менее двух ее видов: государственную и общественную молодежную политику¹. При этом под первой понимается деятельность государства, направленная на молодежь, решение ее проблем и вовлечение ее в социально-политические процессы, а под общественной молодежной политикой понимается система идей, взглядов по поводу молодежи и ее роли в общественном развитии.

Сторонники первого, «узкого», подхода рассматривают государственную молодежную политику как одно из направлений социальной или же образовательной политики государства, ориентированной в первую очередь на решение задач воспитания и дополнительного образования. Сторонники второго подхода рассматривают государственную молодежную политику как особый вид деятельности государства по развитию потенциала молодежи, включению ее в социокультурное пространство России, формирование лидерских навыков и умений, которые позволили бы современной молодежи играть значительную роль в органах государственной власти, бизнес-структурах, некоммерческих органи-

---

¹ Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. С. 347.

зациях. Исходя из этих подходов под государственной молодежной политикой можно понимать системную, целенаправленную деятельность государства, ориентированную на реализацию потенциала молодых людей, включение их в социально-экономические, политические, культурные и духовные процессы, происходящие в обществе. Основной целью молодежной политики является подготовка молодых людей к процессу управления развитием общества.

В ходе формирования и реализации государственной молодежной политики условно можно выделить несколько этапов. На первом этапе главным был процесс создания и развития государственных институтов, реализующих молодежную политику, разработка нормативно-правовых актов, выработка основных направлений, создание государственных и муниципальных органов по делам молодежи.

Основным содержанием второго этапа реализации государственной молодежной политики стала деятельность федеральных, региональных и местных органов по делам молодежи по реализации основных направлений государственной молодежной политики. В этот период создаются инновационные технологии работы с молодежью, начинает формироваться сеть молодежных учреждений, которые были экспериментальными площадками федеральных органов по делам молодежи по реализации ее отдельных направлений.

Все существующие молодежные службы и учреждения делятся на несколько групп. Основной задачей служб трудоустройства и информации молодежи является создание условий для качественного информирования молодых людей в сфере профориентации, формирования у них реальных представлений о региональном и общероссийском рынке труда, востребованных специальностях, динамике спроса на различные профессии, возможностях получения различных видов образования. Юридические консультации дают бесплатные рекомендации по защите их прав. В основе деятельности социально-психологических служб лежит оказание психологической и психотерапевтической помощи, профилактика девиантного поведения молодежи. Задачей центров содействия предпринимательству является активизация молодежи в сфере малого бизнеса, прежде всего формирование представления о его организации, особенностях, способах ведения. Кроме того, существуют и

комплексные молодежные клубы, ориентированные на реализацию нескольких направлений молодежной политики². Следует отметить, что федеральная программа «Молодежь России» (2001 – 2005 годы), а также целый ряд региональных программ защищены отдельной строкой бюджета. Расходы на молодежную политику постоянно возрастают. Так, доля финансирования государственной молодежной политики в Ярославской области в 2000 году составляла 4 050 тыс. руб., а в 2003 году составила уже 11 217 тыс. руб.³

Вместе с тем следует отметить, что в целом государственная молодежная политика пока носит малоэффективный характер. Это обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, существует определенная двойственность в понимании молодежной политики – «узкий» и «широкий» подходы. В результате преобладает «узкий» подход, что приводит к снижению статуса молодежной политики, включению ее в сферу образовательной политики и, как следствие, к фрагментарности ее осуществления, поскольку вопросами воспитания, образования, здравоохранения, асоциальными проявлениями, развитием социальной активности занимаются различные учреждения. Это ведет к реализации разных стратегий работы с молодежью, нередко противоречащих или дублирующих друг друга, а также снижает роль работников молодежной сферы.

Во-вторых, это объясняется достаточно низким кадровым и технологическим потенциалом молодежной политики государства, следовательно, необходима скоординированная и всесторонняя система повышения квалификации работающих в ней кадров.

В-третьих, это объясняется стратегическими ошибками в разработке молодежной политики, т.к. она во многом носит опекунский характер, ориентирована на решение тактических задач и не в полной мере реализует деятельность по подготовке молодежи к самостоятельной жизни.

В-четвертых, молодежная политика обладает достаточно низким политическим статусом, поскольку в основном сводится к созданию различных программ и деятельности молодежных государственных учреждений, в то время как базовые проблемы молодежи

---

² Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год. М.: Логос, 2003. 144 с.

³ Молодежная политика в Центральном Федеральном округе: законодательство. Ярославль, 2002. С. 24.

остаются нерешенными. Такая ситуация порождает неверие молодых людей в государственную молодежную политику и нежелание вступать в долговременные отношения с органами по делам молодежи.

С.Д. Шокин

Вторая Чеченская война: позиция запада

После памятной апрельской 2000 г. сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы, принявшей постановление о начале процедуры исключения РФ из своих рядов, если она «существенно не улучшит положение с правами человека в Чечне», общественное мнение Запада в отношении чеченской проблемы сложилось как антироссийское. Однако решения ПАСЕ носят рекомендательный характер, и право вынесения окончательного вердикта принадлежит Комитету министров СЕ. Заседание КМСЕ намечалось провести в мае. Расценив резолюцию Ассамблеи как игнорирующую национальные интересы своей страны, российская делегация покинула зал заседаний страсбургского Дворца Европы.

12 апреля 2000 г. Государственная Дума РФ после бурных дебатов приняла постановление «О позиции Парламентской ассамблеи Совета Европы по вопросу о ситуации в Чеченской Республике», выдержанную в спокойных тонах. Резолюция ПАСЕ, говорилось в постановлении, во многом основывается на эмоциях, и члены «объединенного парламента» недооценивают масштабы угрозы, исходящей от терроризма.

Тем не менее Госдума подтвердила свое намерение продолжать конструктивный диалог с СЕ¹. Собранный в Страсбурге в начале мая Комитет министров стран-членов СЕ дал понять, что в отличие от парламентариев он более заинтересован в компромиссе с Россией, ежели в конфронтации, исходя из того, что войсковая стадия антитеррористической операции в Чечне завершена и во-

---

¹ Дипломатический вестник. 2000. № 7. С. 37.

прос можно считать закрытым. Российскому руководству было рекомендовано обеспечить «реальный и быстрый прогресс в области прав человека и поиске мирного разрешения чеченской проблемы». Важную роль в вынесении данной резолюции КМСЕ сыграло выступление на сессии министра иностранных дел РФ И. Иванова. Он привел многочисленные факты нарушения прав человека в ходе боевых действий в Чечне со стороны российских военнослужащих, но заявил, что все они тщательно расследуются недавно назначенным Специальным представителем президента РФ. Министр также информировал коллег о создании Национальной общественной комиссии по расследованию правонарушений и соблюдению прав человека на Северном Кавказе и постоянного поста общественных адвокатов на территории следственных изоляторов в Чеченской Республике. При этом И. Иванов подчеркнул, что политическое решение проблемы возможно только после того, как борьба с терроризмом в этом субъекте федерации «будет доведена до своего логического конца»².

Однако позиция КМСЕ никак не повлияла на апрельское решение Европарламента. Россия потеряла право голоса в ПАСЕ. Напряженность в отношениях РФ и общеевропейских структур вокруг чеченской проблемы усилила закулисная инициатива председателя ПАСЕ лорда Рассела-Джонстона, выразившаяся в его телефонном разговоре и обмене посланиями с А. Масхадовым. В качестве повода к мирным переговорам при участии ПАСЕ сэр Рассел-Джонстон предлагал А. Масхадову «сделать жест доброй воли» и освободить хотя бы несколько российских военнопленных. Эта инициатива выглядела по меньшей мере вызывающе, ведь буквально на днях эмиссары чеченских сепаратистов подписали протокол о сотрудничестве с правительством талибов, под крылом которого нашел убежище Усама бен Ладен³.

В середине июня В. Путин в интервью германским телекомпаниям вынужден был напомнить европейскому сообществу: «Чечня – это лишь эпизод того зла, которое постепенно надвигается на Ев-

---

² Дипломатический вестник. 2000. № 6. С. 9 – 10

³ Российская газета. 2000. 24 мая.

ропу и которое Европа еще не почувствовала. Это зло называется международный терроризм...»⁴.

Июньская сессия ПАСЕ прошла без участия российской делегации. Парламент РФ ограничился посылкой своего наблюдателя, но глава думского Комитета по международным делам Д. Рогозин заявил, что консультации по Чечне с европейскими коллегами будут продолжены. Без участия России чеченский вопрос обсуждался и на сессии ПАСЕ в сентябре 2000 г. Правда, слушаниям в Страсбурге предшествовали слушания в Госдуме РФ, причем впервые за все время существования чеченской проблемы на них были приглашены представители Европарламента во главе с лордом Джаддом и даже руководства СЕ, включая его генерального секретаря В. Швиммера, совершивших накануне поездку в республику. Очевидно поэтому доклад о положении в Чечне, подготовленный российскими парламентариями, был беспрецедентно откровенен. Впервые действия федеральных сил в Чечне подвергались критике на столь высоком официальном уровне. В частности в докладе сообщалось, что военные федеральных сил в ходе кампании на территории Чечни совершили 385 преступлений, в том числе 16 убийств; обычной практикой стали произвольные задержания и аресты граждан. Выступивший на слушаниях лорд Джадд говорил об удручающем впечатлении от посещения им лагерей чеченских беженцев⁵.

Сентябрьская сессия ПАСЕ в целом признала продуктивными предпринятые российским руководством меры по соблюдению прав человека в Чечне. Неожиданным «реверансом» в сторону России стало обращение ПАСЕ ко всем государствам не поддерживать чеченских боевиков ни материально, ни морально. Но присутствовавший на сессии правозащитник С. Ковалев вновь (как и в апреле 2000 г.) потребовал от европейских парламентариев начать процедуру исключения России из СЕ. Главным преступником на Северном Кавказе он назвал российское правительство и главнокомандование. По его мнению, единственный вариант мирного разрешения конфликта – немедленные переговоры с «легитимным президентом» А. Масхадовым и полевыми командирами. Хотя инициатива С. Ковалева и на этот раз провалилась, резолюция с

---

⁴ Там же. 2000. 15 июня.

⁵ Независимая газета. 2000. 22 сентября.

призывом к России прекратить нарушения прав человека в Чечне была принята на сессии практически единогласно (86 против 5)⁶.

Позиция общеевропейских структур по чеченской проблеме несколько смягчилась после визита В. Путина во Францию и очередного саммита Россия – ЕС в конце октября 2000 г. В совместном заявлении, подписанном его участниками (сторону ЕС на саммите представляли Ж. Ширак, Р. Проди, Х. Солана), терроризм осуждался во всех его проявлениях, подчеркивалась необходимость и неотложность политического решения вопроса при уважении суверенитета и территориальной целостности РФ⁷. Таким образом, идею создания «независимой Ичкерии» европейское сообщество отвергало.

В документах сессии ПАСЕ, состоявшейся в январе 2001 г. впервые (С.Ш.) было признано, что Россия в Чечне столкнулась с международным терроризмом. По словам руководителя российской делегации Д. Рогозина, в политической комиссии и других органах Ассамблеи «стали говорить, что Россия приняла на себя в Чечне удар, с которым другая европейская страна могла бы и не справиться». Однако вопрос о возобновлении полномочий РФ в ПАСЕ был отложен на неопределенное время и по-прежнему прочно увязывался европейским сообществом с прогрессом в области прав человека⁸. Европарламент вновь потребовал от российского руководства начать переговоры с «законными представителями Чечни» в присутствии членов международных организаций.

Результатом такой настойчивости стало создание совместной рабочей комиссии «Дума – ПАСЕ». Цель ее работы туманно определялась как поиск оптимальных вариантов примирения различных социальных групп в Чечне с учетом международного опыта. Деятельность комиссии начиналась очень трудно, поскольку в ее составе присутствовали люди, не скрывавшие своих симпатий к чеченским «комбатантам». В течение 2001 г. комиссия провела ряд заседаний. По настоянию ее российских членов к переговорному процессу могли подключаться только те представители чеченской стороны, кто не находился в федеральном розыске и не имел про-

---

⁶ Независимая газета. 2000. 30 сентября.

⁷ Селезнев Г. Политическая история современной России: 1991 – 2001. М., 2001. С. 254; Российская газета. 2000. 1 ноября.

⁸ Московский комсомолец. 2001. 30 января.

блем с Законом, но уже на майское заседание в Праге был приглашен представитель А. Масхадова. Постепенно в сферу обсуждаемых комиссией вопросов попали – свобода передвижения, функционирование блокпостов, выдача удостоверений личности и т.п.⁹ Таким образом, проблемы Чечни, которые руководством РФ объявлялись с высоких международных трибун «нашим внутренним делом», оказались под бдительным контролем Европы.

Чеченская тема неизменно фигурировала и в российско-американских отношениях. С начала второй чеченской кампании США не раз заявляли, что рассматривают Чечню как неотъемлемую часть РФ и не претендуют ни на какую посредническую роль в решении данной проблемы. Тем не менее американская администрация упорно пыталась вывести ее за рамки борьбы с международным терроризмом и обсуждала лишь в плоскости прав человека. Это не мешало спецслужбам двух стран обмениваться делегациями и информацией, создавать совместные группы по борьбе с организованной преступностью и терроризмом. Но в середине октября 2000 г. США преподнесли России очередной «сюрприз»: госдепартамент принял для беседы «министра иностранных дел независимой Ичкерии» И. Ахмадова. По данным российских спецслужб, этот человек участвовал в налетах боевиков на Буденновск и село Первомайское и находился в федеральном розыске. При встрече с ним председатель подкомитета госдепартамента по делам Европы Г. Смит сказал, что «народ Чечни осуществляет законное право на самооборону». Получалось, что Россия начала войну против некоего суверенного государства¹⁰. Никакой официальной реакции на визит масхадовского эмиссара в Вашингтон со стороны РФ почему-то не последовало. В марте 2001 г. И. Ахмадов вновь посетил США и вновь был принят представителем госдепартамента, хотя и вне его стен. По заявлениям американских чиновников, цель встречи заключалась в том, чтобы «просто узнать мнение чеченца» о нынешней ситуации в республике. На этот раз Информационное управление Президента РФ охарактеризовало позицию США как линию на проведение двойных стандартов и по отношению к России, и по проблемам борьбы с терроризмом, а россий-

---

⁹ Независимая газета. 2001. 12 сентября.

¹⁰ Российская газета. 2000. 24 октября.

ский МИД назвал данный шаг «просто аморальным»¹¹. Между тем не имевший статуса дипломатической неприкосновенности «министр Ичкерии» мог быть легко арестован и экстрадирован в Россию.

Эпизодом с И. Ахмадовым новая республиканская администрация Д. Буша ясно давала понять, что в любой момент готова пересмотреть прежнюю установку демократов: «Чечня – внутреннее дело России».

В целом период с конца 1999 г. по середину 2001 г. можно считать кульминацией разногласий РФ и Запада по чеченской проблеме. Вместе с тем международные события, связанные с Чечней, отчетливо показали: стремление войти в мировое цивилизованное сообщество, не уронив своего национального достоинства и сохранив традиционное «державное» поведение, оказалось для России невыполнимой задачей. Каждый шаг Москвы в чеченском конфликте рассматривался Западом как рецидив «державности» и находился под его пристальным вниманием. Желание Запада «привести» Россию к «демократическим стандартам» открыто и демонстративно сочеталось с политикой двойных стандартов. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. заставили западные державы внести определенные коррективы в свою позицию по Чечне.

---

¹¹ Российская газета. 2001. 28 марта.

И.Г. Шатохин

Приоритеты развития пенсионных институтов в Российской Федерации

В Конституции Российской Федерации записано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако пенсионная система России не обеспечивает достойной жизни пенсионеров. Так, например, в 2005 г. средний размер трудовой пенсии в распределительной системе составлял 2 325 руб., а прожиточный минимум пенсионера – 2 033 руб., т.е. средний размер пенсий едва достигал прожиточного минимума. Как показывает статистика, сегодняшние пенсии не обеспечивают достаточной зависимости между трудовым вкладом работника (в 2005 г. средняя заработная плата – 8 452 руб.) и материальным вознаграждением в старости (см.: Пенсия. 2005. № 8. С. 47). Не разрешает этих проблем и проводимая в стране пенсионная реформа. В целях дальнейшего улучшения уровня жизни пенсионеров мы предлагаем следующие приоритеты по совершенствованию пенсионной системы:

Первое. Государство должно определить свою роль и место в пенсионной системе страны, т.е. четко установить уровень гарантий и ответственности, которые может на себя взять. В современной рыночной системе нельзя решать проблемы лишь административными методами. Мы считаем, что государство должно лишь координировать реформы в разных сферах и обеспечивать прожиточный минимум пенсионеров.

Вновь созданные институты российской пенсионной системы действуют не в полной мере в основном по причине отставания реформ в других сферах. Необходима их координация с такими социально-экономическими институтами, как политика, демография, финансовый рынок, инфляция, налоги, занятость, уровень жизни, заработная плата и др.

Второе. В решении демографических проблем можно выделить два основных направления: повышение рождаемости и увеличение возраста выхода на пенсию. Повышение рождаемости может произойти путем улучшения материального положения молодых семей, поддержкой их государством.

Увеличение пенсионного возраста должно проходить поэтапно в течение 10 – 15 лет, а может быть, и больше. Как это делается во многих странах. Трудно согласиться с мнением, что невозможно проводить реформу в странах с низкой продолжительностью жизни, к которым относится и Россия. Невысокая средняя продолжительность жизни в нашей стране (63 года) вызвана следующими причинами: участие наших граждан в различных войнах; сталинские репрессии; алкоголизм неработающих; участие в преступных группировках и т.д.

Третье. Международная организация труда рекомендует странам с переходной экономикой в структуре пенсионных систем отдавать приоритет институту страховой пенсии. Однако в нашей стране ему отводится второстепенная роль, а преобладает по-прежнему институт базовой пенсии, доля которого в настоящее время составляет 40% от всей пенсии. Институт обязательной страховой пенсии пока формально является страховым: взносы делают не работники, а работодатель, уровень пенсий слабо дифференцирован. В приведенной таблице мы видим, что в развитых странах страховые взносы делают работодатели и наемные работники на паритетных началах. Причем взносы в этих странах в 1,5 – 2 раза выше, чем в России.

Для придания институту страховой пенсии страхового содержания необходимо часть пенсионных взносов переложить на работника. Однако этому мешает крайне низкий уровень заработной платы у большинства работающих. Как отмечают специалисты, при повышении средней заработной платы по стране до величины 80% и более от средней заработной платы в промышленности следует ввести обязательные страховые платежи работников на цели пенсионного страхования. Доли заработной платы в ВВП к 2008 – 2009 годам должна быть на уровне 32–34% от ВВП. В странах Западной Европы и США эта величина равна 45 – 60% ВВП (см.: Пенсионное обеспечение. 2005. № 8. С.5.).

Таблица

Сопоставление характеристик социального страхования в странах с развитой рыночной экономикой и в России

<i>Страна</i>	<i>Страховые взносы, % от заработной платы</i>		
	<i>работодатели</i>	<i>работники</i>	<i>всего</i>
Австрия	25,1	17,2	42,3
Германия	21,2	19,8	41,0
Греция	28,2	15,4	43,6
Италия	35,1	9,5	44,6
Нидерланды	29,4	25,6	55,0
Франция	38,9	12,5	51,4
Россия	26,0		26,0

(См.: Человек и труд. 2004. № 6. С. 24.)

Четвертое. Рост доходов населения должен увеличить не только страховую часть трудовой пенсии, но и накопительную. Институт обязательной накопительной пенсии – это новый институт для российской экономики. Создание его несколько опережает ту экономическую ситуацию, которая существует в настоящее время. Этот институт будет действовать в полной мере только через 25-30 лет, т.к. получать накопительную пенсию могут только граждане 1967 года рождения и моложе. А сейчас эти граждане должны будут определиться – куда вложить накопленные средства: оставить их в распоряжении государства; передать в управление частной управляющей компании или перечислить в негосударственный пенсионный фонд.

Для того, чтобы инвестиционный ресурс был использован эффективно, нужна развитая финансовая инфраструктура. Если этого не произойдет, то выброс на фондовый рынок значительных финансовых средств может создать «перегрев» фондового рынка и, в конечном счете, привести к финансовому кризису. Мы считаем, что в качестве возможного варианта эффективного использования пенсионных денег может служить ипотека. Она сможет одновременно решить множество задач: сохранить пенсионные накопления, повысить уровень жизни пенсионеров, обеспечить молодые семьи жильем, поддержать экономический рост и т.д.

Пятое. Одно из направлений пенсионной реформы – трансформация института досрочных пенсий за работу в особых условиях труда в институт профессиональных пенсий. До 20% финансовых

ресурсов изымается из Пенсионного фонда РФ, что существенно сокращает размеры пенсий другим категориям получателей пенсий. Финансовый механизм профессиональных пенсионных систем предлагается организовать исключительно на накопительных принципах. Страховые взносы, уплачиваемые работодателями, будут перечисляться на счета в государственный или негосударственные пенсионные фонды. Профессиональные пенсионные системы наиболее эффективно функционируют в тех случаях, когда работодатели принимают активное участие в управлении финансовыми ресурсами. В формировании и размещении пенсионных накоплений профессиональных пенсионных систем могут активное участие принимать негосударственные пенсионные фонды. Однако закон о профессиональных пенсиях Госдумой пока не принят, поэтому процесс дальнейшего реформирования института досрочных пенсий стоит на месте.

Конечно же, данными предложениями не исчерпывается круг проблем, требующих решения. Но, на наш взгляд, они являются приоритетными при формировании современной пенсионной системы. Для достижения целей, поставленных в ходе пенсионных преобразований в России, необходимо разработать комплексную программу. Причем план должен быть согласован с демографической ситуацией, с учетом положения на рынке труда и с перспективными параметрами макроэкономического развития.

С.А. Шубина

Школа русского языка в Пекине в 20 – 30-е гг. XIX в.

Активное развитие, прежде всего торгово-экономических контактов между Россией и Китаем, способствовало созданию в начале XVIII в. государственных институтов с той и другой стороны, основная задача которых заключалась в подготовке кадров переводчиков. Российским научно-практическим центром изучения китайского и маньчжурского языков стала православная миссия в

Пекине. Школа русского языка (элосы вэнь гуань) готовила чиновников для Палаты управления вассалами (Лифаньюань) и Дворцовой канцелярии (Нэйгэ), которая отвечала за перевод официальных документов, поступавших от иностранных государств, в том числе и от России.

Для совместного заведования этой школой назначались два директора из числа сотрудников Лифаньюань и Нэйгэ. Раз в пять лет учащиеся после прохождения курса обучения сдавали экзамен. Преподавателями в Русской школе в начале XVIII в. были албазинцы (название потомков этнических русских, которые составляли особый отряд императорской гвардии) и члены первой Российской духовной миссии иеромонах Лаврентий и Осип Дьяков. Известно, что в середине века в школе работали известные русские китаеведы Илларион Россохин и Антон Владыкин. По сведениям самого И. Россохина, у него в Китае было 24 ученика¹. Эта цифра встречается также в хронике периода правления императора Цяньлуна и в труде известного цинского ученого Хэ Цютао «Шофан бэйчэн»².

Об особенностях преподавания «в Русском училище в Пекине» мы узнаем из дневника³ Захара Федоровича Леонтьевского, сотрудника 10-й духовной миссии под начальством Петра (Каменского). Работа в училище вызывала определенные трудности из-за пренебрежительного, иногда даже оскорбительного отношения со стороны китайцев, как учителей, так и учеников, к русским миссионерам.

В 20-е гг. XIX в. основная забота по преподаванию в училище лежала на заместителе начальника миссии Вениамине (Морачевиче). Обеспокоенный тем, что ученики плохо посещали занятия и относились к нему, как к учителю, неуважительно, он был вынужден рассказать об этом директору училища. На что последний ему ответил: «Если лишить ученического звания тех, которые не ходят в школу и не учатся по-русскому, то они умрут с голоду; но этого я

---

¹ Радовский М.И. Русский китаевед И.К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М., 1961. С. 89.

² См.: Мясников В.С. Новые знания о России в цинском Китае XVIII в. // Всемирная история и Восток: Сб. статей. М., 1989. С. 106, 107.

³ Леонтьевский З. Выписки из дневника. 1820-1830 гг. // Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 42. Оп. 1. Доп. (9).

не могу сделать, потому, что я единоземец с ними. Кто из них хочет учиться, тот пусть и учится: один, два человека и достаточно. Если в школу придет один, то учи одного, а если два, учи двоих»⁴.

Учителя-китайцы, работающие в училище, также плохо исполняли свои обязанности. По свидетельству З. Леонтьевского, один учитель вообще ходил на работу раз в месяц, а за то, что один ученик поклонился о. Вениамину, назвал его дураком⁵.

Не в силах сносить дальнейшие оскорбления Вениамин (Морачевич) обратился к вышестоящему начальству с жалобой. 20 декабря 1825 г. состоялось общее собрание учителей и учащихся училища. Каждого ученика спрашивали, будет ли он учиться русскому языку. На это, разумеется, в каждом случае давался утвердительный ответ. На следующий день после собрания «в школе были все ученики, а далее не известно будут ли все ходить», – записал в своем дневнике З. Леонтьевский⁶. Следует отметить, что в конце 30-х гг. XIX в. цинские власти отметили, несмотря на конфликт, Вениамина (Морачевича) за преподавательскую деятельность правительственной наградой, о чем сохранились сведения в «Документах династии Мин и Цин» Государственного архива КНР⁷.

Такое пренебрежительное отношение китайцев к изучению иностранного языка неудивительно. Это иллюстрировало китаеццентристскую политику Цинов. Цинский император считался повелителем вселенной, владыкой всех народов, и поэтому китайцы считали ненужным изучать чужой язык: это иностранцы должны изучать китайский, как вассалы императора.

Слабое знание русского языка преподавателей и учеников Русской школы заставляло их обращаться за помощью в русскую миссию. Так, например, миссионеры часто помогали учителю маньчжурского языка Шумину переводить бумаги, присланные в Трибунал [Лифаньюань. – С.Ш.] российским правительством, а «некоторые важные бумаги из Трибунала давали Шумину для перевода на срок, и он всегда прибегал к о. Ар. [отцу Архимандриту Петру (Каменскому). – С.Ш.], который всегда вспомоществовал

---

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 65.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ См.: Тихвинский С.Л. Изучение культуры Китая в России и в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 21.

незнанию его в сем случае»⁸. Это один из ярких примеров того, как поступали секретные сведения дипломатического характера в миссию.

Таким образом, Русской школе принадлежит важная роль в процессе межкультурного диалога между Россией и Китаем. Православные миссионеры и учителя Русской школы в Пекине выступали в роли посредников при дипломатических контактах двух государств, что обогатило практику международного общения. Переводческая деятельность и личные контакты миссионеров с китайцами способствовали складыванию взаимных образов – образа России в Китае и образа Китая в России.

---

⁸ Дневник веденный в Пекине с 1 декабря 1830-го года, пристава одиннадцатой миссии подполковника генерального Штаба М.В. Ладыженского // Известия Братства Православной Церкви в Китае. 1907. Вып. 44-45. С. 32.

Личностные истоки глобализма

Глобализм чаще всего расценивается как политическое или экономическое явление. Кроме того, считается, что источником его являются современные США или, в меньшей степени, Европа. Но мысль показывает, что у глобализма есть психологические, культурные и духовные истоки. Значение слова *глобализм* соотносится со всеобщим, целостным, великим, масштабным. Все смыслы данного понятия проистекают от понимания земли, или еще глубже, вещества, материи как основы всего. Каково бы ни было конкретное содержание *глобализма*, эти процессы раскрывают движение внутри самого человека, то есть имеют гуманистический аспект. А если это так, то связанное с *глобализмом* имеет извечный для человека характер, свойственный самой его *природе*. Глобализм не является детищем новейшего времени. Эти внешние политико-экономические процессы обнажили очень остро более важные глубинные сферы сознания в человеке. Мы выделим их следующие аспекты: *нации, культуры, власти, личности*.

Что такое *земля*? Если это универсальное вещество, из которого состоит, в том числе, и сам человек, то любые его процессы и изменения являются общеобязательными и неизбежными. Материалистическое понимание сущности общественной жизни с необходимостью приводит к глобализму во всех видах социальных взаимоотношений. Телесные потребности – общие потребности, требующие унификации людей. И все было бы хорошо на пути объединения человечества в единую телесную сущность, но важным препятствием здесь становится такое социальное явление, как *нация*. Она также естественна человеку. Он рождается в естественных условиях языка, культуры, традиции, государства. Вывод один: природная разделенность народов и языков является фактором, препятствующим внешнему объединению человечества для какой-либо совместной деятельности. Хотя он постепенно слабеет как форма защиты от обезличивания, но национальные интересы и

сепаратизм всегда будут сказываться в той или иной степени во всех сферах международной жизни. Да и сами глобалистические тенденции в мире могут рассматриваться в спектре расширения определенных национальных интересов. Тогда при этом заявления о денационализации и гражданском обществе возможно оценивать в контексте стратегических замыслов.

Если же *земля* – то, что дается человеку в управление и не ограничивает полностью свободу, на первое место выходят проблемы *культуры*. Вспомним изначальное понимание культуры в широком и узком смыслах как способ обработки земли. В таком случае вещество еще не весь человек. Оно способствует раскрытию заложенных в него духовных сил. Организация, реализация, средства и приемы действия этих сил и будут называться *культурой*. Таким образом, поскольку состав космоса универсален, всеобщими могут быть и культурные механизмы для развития человеческих возможностей. Вслед за этим глобалистическая проблема приобретает гуманистический характер, так, как видели это древние греки – «человек – мера всех вещей». Античная модель глобализма – распространение греческой культуры по всему пространству ойкумены. Это объяснялось человеколюбивыми целями и задачами *просвещения*.

Поскольку культура является средством отношения к пассивному, вторичному началу, постольку и она сама не может быть самоцелью. Она лишь способ управления, владения материей, следовательно, в основе своей культура имеет *власть*. Распространение элементов греческой культуры по всей территории Римской империи было основой политической власти Рима. Таким образом, культура и власть взаимосвязаны. Желание владеть миром, превращать людей в неодушевленные механизмы исполнения своей воли – неотъемлемое качество человеческой природы. Одно из лиц глобализма раскрывается как неумная и ничем не ограниченная жажда власти. Стремящиеся к ней, в качестве объективной основы, распространяют по миру разные формы своей культуры.

Но власть и природное стремление владеть и управлять телом и веществом не может быть последним основанием жизни человека. Во имя чего власть? Какой предельный смысл владения землей? И вообще, на земле ли разрешаются вопросы времени и вечности,

жизни и смерти? Мы подходим к самому важному истоку глобализма – *религиозному*.

Что такое религиозный глобализм как не обожествление человека? Хотя у греков и было антропологическое мировоззрение, но человек не считался абсолютным началом, а воспринимался как основание культуры, как мера всех вещей. Вряд ли та унификация, о которой идет речь, могла быть порождением того языческого сознания. Подобного рода явления возникают в эпоху Ренессанса, в момент нового гуманистического движения, соответствовавшего расколу христианского мира на Запад и Восток. Основой его становится обожествленный человек или Человекобог. Противостояние исконным христианским ценностям по отношению к личности дает ему платформу для самовозвышения. Реформация древней Церкви придает индивиду новый масштаб, невиданный в античном мире. Он возводится на пьедестал абсолюта не без помощи опыта средневекового сознания. Византийское богословие выработало понимание человека как образа и подобия Божия. Оно выделило в нем внутренний *надприродный* духовный стержень, или *личность*. Личность – это то, что совершенно недоступно для других людей, это человек в предстоянии перед Богом. Таким образом, его величие заключено в замысле Творца. Отсюда же богатство, неповторимость, уникальность и масштаб личности. Личность не зависит от природы. Последняя, примыкая к ней, ею же и разнообразится. Множественность качеств мира объединяется единой волей творения. С точки зрения христианской ортодоксальности, природа в человеке вторична. По своему строению она не отличается от состава всего естества. Божественности в ней нет. Все естество – результат творения. Бог же отражается сущностно только в человеке и только в его *лице*. Личность без Бога – ничто. Она не может противостоять Ему, гаснет, подавляется своей природой. Многоликость людей, множественность миров и традиций является результатом христианского взгляда на вещи. Они объединяются в *едином* для всех *духе*. Вместо политики глобализма христианская культура осуществляет принцип собирания земли или *соборности*. Историческая Россия исповедовала два этих принципа: сохранение древнего христианства и собирание народов на основе духовной общности и содружества. Любитель и ценитель истины должен беспристрастно отнестись к международному опыту России.

В христианской антропологии если личность и глобальна или всеобща, то ее величие от Создателя. Она горит не своим собственным светом, освещая им темную природу вещества. Глубины Вселенной опускаются в глубины личности. Ее движение и рост состоят в сотрудничестве человека и Бога и распространении *жизни* и *истины* на земле.

Отделившись от вселенской Церкви, Римская Церковь потеряла древнехристианское учение о личности. Внутри нее стало восстанавливаться или *возрождаться* язычество с обожествлением природы человека или отдельных ее свойств. Творческие способности индивида рассматриваются теперь как исключительные и предопределенные Богом. В этом и состоит самый главный переворот в жизни средневековой Европы: Персона заменена телом, внутреннее – внешним. Личность вечна только в союзе с Творцом. Отвернувшись от Него и предавшись своему естеству, она, в противопоставлении себя Создателю, порождает смерть. Христианский Восток и Запад отличаются тем, что они относят к личностным качествам. Древние отцы Церкви и византийские богословы не относили к таковым художественные и научные дарования. Они считали их чертами индивидуальности, общими всей человеческой природе, но в разной степени. Обожествление их привело к обожествлению самого человека и, более того, к разделению людей на богоизбранных и низших. Это имело продолжение в кичливости индивидуального и национального самомнения и зазнайства. Ядовитый дурман безбожного гуманизма стал распространяться по культурному пространству, некогда принадлежащему высокому христианскому гуманизму. Таков личностный исток глобализма. Суть его в обезбоживании. Это глобализм не истины и жизни, а смерти и разрушения. Не случайно антропоцентризм стал местом духовных и нравственных бесчинств, аморализма, цинизма, беспринципности, двойных стандартов, вероломства, лжи и фальши. От этого не могла не пострадать и сама Европа и весь мир.

Власть гуманизма – это духовная власть бесчеловечности или по сути антихристианства. Как бы то ни было, тенденции обезличивания исходят из той части мира, где некогда было распространено христианство. А если быть точнее, где был отход от Вселенской церкви, от базовых принципов христианской веры. Это явилось следствием церковного раскола и реформации в Европе. Там

одна за другой стали рождаться *революции*, будучи поначалу революциями в сознании. Здесь же появляются претензии на мировое господство, осуществляющиеся разрушением устоев и обычаев других стран. Каждая революция – глобальна. Она начинается с лозунгов свободы, равенства, человечности, а заканчивается страшнейшими социальными потрясениями, разрушениями политических основ общества, массовыми преступлениями и обесцениванием жизни самого человека. Что ни революция – то мировая война. Таков масштаб революционной мысли. Революция – это восстание, ломка прежней жизни, обезличивание, массовость культуры и в конце концов самоубийство человечества. Негативный глобализм гнездится в революциях. Им обременен европейский и американский менталитет до сих пор: изменять все, чтобы ничто не устоялось; преодолевать все, чтобы ничто не мешало; желание проникнуть во все тайны бытия, найти ключ к бессмертию. Результатами же такового духовного восстания является не раскрытие человеческих природных возможностей, а их сокращение. Гуманизм обещал показать всеислие человека, а демонстрирует его полное бессилие. Это идейное движение проникает в другие общества, заражая их. Поистине, стеснение жизненных обстоятельств стало всеобщим бедствием. Угроза гибели человечества от собственных рук обнажилась как глобальная угроза смерти.

Политический, экономический, культурный, религиозный экumenизм является следствием невидимых духовных процессов, происходящих в душе человека. Имея духовное происхождение, глобализм находит противостояние в глубинных пластах человеческой личности, там, где рождается выбор между добром и злом. Добро по своей положительной основе богато видовым содержанием жизни, зло же, имея негативную характеристику, стремится к обезличиванию. Ни власть, ни культура, ни денационализация не являются сегодня ни препятствием, ни истинной угрозой глобализма. Основные события, касающиеся жизни и смерти человека, в наше время происходят в глубинных пластах личности. Также главная угроза глобализма – в деперсонализации человечества. Сохранение личности – практический и опытный вопрос. Именно о нем стоит больше всего думать. Именно его следует видеть в межкультурном диалоге.

П.Ф. Янкевич, Г.А. Янкевич

Политические преобразования в регионах современного мира на рубеже XX – XXI веков

Конец XX – начало XXI века характеризуется большими политическими преобразованиями в ряде стран и регионов современного мира. Эти изменения во многом трансформировали научные подходы к изучению проблем институционализации и политического процесса. Такие перемены связаны, а точнее, обуславливаются процессом глобализации. При этом все более становится очевидным, что глобализация видоизменяет ранее устоявшиеся связи стран на мировой арене. Планета в ходе глобализации сравнительно быстро превращается в единое социально-политическое, экономическое и культурно-информационное пространство.

XX век ознаменовался необходимостью признания демократической модели развития политических процессов и институтов. В то же время было повсеместно отмечено, что институты представительной демократии, сформировавшиеся в XVIII – XIX веках, не во всем соответствуют современным условиям и требованиям политической глобализации. При этом следует отметить, что механизмы демократического участия и контроля, выработанные в XVIII – начале XIX века, были разработаны для применения в масштабах национального государства. Однако жизнь показала, что волнующие общественность вопросы не могут быть решены только на национальном уровне.

Политическая глобализация современного мира поставила вопрос о необходимости диверсификации уровней управления. Все дело в том, что значительная часть функций и полномочий управления переносится с государственного на национальный уровень. Механизмы общественного представительства, участия и контроля, созданные и успешно работавшие в прошлом веке, в настоящее время, как правило, недостаточны, слабы и неопределенны. В то же время интерес населения к участию в управлении политическими процессами ослабляется в условиях, когда отбрасываются многие

устоявшиеся формы контроля над ним. В силу этого в современном мире растет отчуждение от политических партий и парламентов, формируется абсентеизм на выборах.

В этих условиях эффективность как национальных, так и наднациональных институтов, регулирования процессов глобализации и ограничения стихийных выступлений находится на крайне низком уровне. Модификация системы существующих механизмов управления глобальными политическими процессами позволит не только обеспечить сохранение, но и укрепить либерально-демократическую парадигму функционирования политических институтов современного мира в условиях глобализации. В то же время мы считаем необходимым отметить, что развитие политических институтов и политических процессов на рубеже тысячелетий не может быть прямолинейным. Более того, практика показывает, что даже "западная" модель политических институтов, прогнозируемая в настоящее время, допускает различные национальные варианты.

Россия, как и весь мир, переживает переходный период. Главное содержание этого перехода состоит в трансформации политического процесса и политических институтов в условиях включения нашей страны в мировые глобализационные процессы. Важнейшей теоретической и практической проблемой российского переходного периода является создание новой стабильной и эффективной, обращенной в будущее политической системы, что отвечает стандартам общемирового политического развития. При этом главная задача России – сохранить целостность российского государства, укрепить и защитить его национальные интересы как на современном, так и долгосрочном этапе развития.

Таким образом, ускоряющаяся глобализация и трансформация политических процессов имеют глубокую взаимозависимость и взаимообусловленность, подчинены единым законам диалектики.

Трансформация политической системы России объективно требует с особым вниманием анализировать вопросы теории и практики формирования эффективного российского государства в условиях глобализации современного мира, институциональную структуру. Исследование работ ряда авторов, которые рассматривают процессы глобализации и изучают вопросы трансформации

политических процессов и институтов, заслуживает особого внимания.

Первую группу исследований составляют монографии, опубликованные в печати в 1982 – 2003 гг. Среди них – исследования ряда российских авторов, работающих над методологическими проблемами политического процесса и политических институтов. Здесь можно назвать работы А.А. Дегтярева, Л.С. Мамута, А.И. Соловьева, Л.Г. Титовой, П.Ф. Янкевича и других¹. В этих работах раскрыта сущность, структура, типология и специфика развития политических институтов и процессов в современном мире. Однако до сих пор остаются малоизученными вопросы влияния на российский политический процесс и институциональную структуру тех факторов, которые возникают в мире в условиях развития глобализационных тенденций.

Вторая группа ученых – авторы монографий и сборников исследований западных стран, которые анализируют деятельность политических институтов и политических процессов постиндустриального уровня развития. Среди них: Г. Алмонд, А. Бентли, М. Вебер, М. Дюверже, Э. Дюркгейм, Э. Иммергарт, Д. Истон, Дж.Б. Мангейм, Л. Пай, В. Парето, Т. Парсонс, Р.К. Рич, Р.Ж. Шварценберг и другие².

---

¹ Дегтярев А.А. Основы политической теории. – М., 1998; Мамут Л.С. Политический процесс // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 43; Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001; Социально-философские учения по проблемам государственного устройства. История и современность: В 2 ч. Ч. 2. Политология (структурно-логическое отражение проблем) / Под общ. ред. П.Ф. Янкевича, М.Ф. Кофшикова, Г.М.Нажмудинова. Ярославль, 1999; Титова Л.Г. Политический процесс в современной России и механизм его осуществления. Ярославль, 2005 и др.

² Immergut E.M. Beitgrage zur Theorieentwicklung in der Politik – und Verwaltungswissenschaft. – Baden-Baden, 1996; Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах. – М., 1997; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Западноевропейская социология XIX – начала XX в. Тексты. М., 1996; Мангейм Дж. Б., Рич Р.К. Анализ общественной политики и оценка программ // ПОЛИС. 1991. № 3.; Парсонс Т. Система современного общества. М., 1997; Политическая наука: Сб. научных трудов. Политическое развитие и модернизация: современные исследования. М., 2003; Шварценберг Р.Ж. Политическая социология. В 3-х частях. М., 1992.

Представляют определенный интерес работы российских и зарубежных авторов по исследованию трансформации политических институтов и политических процессов в современной России. Среди них Л.Е. Бляхер, В.Я. Гельман, М.В. Ильин, А. Круассан, В. Меркель, П.В. Панов, А.И. Соловьев³ и другие.

На основе анализа работ этих российских и зарубежных ученых можно отметить своеобразие подходов к исследованию глобальных процессов. Авторы публикаций раскрывают комплексную картину специфики зарождения и развития новых политических институтов и процессов, выявляют особенности трансформации политического процесса и политических институтов в современной России.

Ряд ученых исследует проблемы процесса глобализации современного мира и, прежде всего, ее политические аспекты. В этой группе активную работу ведут российские и зарубежные исследователи: Э.А. Азроянц, Н.П. Ващекин, А.Б. Вебер, М.Г. Делягин, Г.Г. Дилигентский, Л.М. Карапетян, В.В. Лапкин, М.Ю. Мельвиль, К.С. Момджан, М.А. Мунтян, А.С. Панарин, В.И. Пантин, И.М. Подзигун, Н.Е. Покровский, А.С. Преображенский, А.Д. Упсул, А.И. Уткин и другие⁴.

---

³ Бляхер Л.Е. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // ПОЛИС. 2003. № 1; Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС. 2003. № 4; Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // ПОЛИС. 2000. № 4; Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // ПОЛИС. 2002. № 1; Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: посттемпоральный сравнительный анализ // ПОЛИС. 2002. № 6. Соловьев А.И. Институциональный дизайн российской власти: исторический римейк или матрица развития? // Общественные науки и современность. 2004. № 1.

⁴ Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002; Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А., Практика глобализации: Игры и правила эпохи. М., 2000; Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация и устойчивое развитие. М., 2002; Глобализация. Модернизация. Россия // ПОЛИС. 2003. № 2; Карапетян Л.М. О понятиях "глобализм" и "глобализация" // Философские науки. 2003. № 3; Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000; Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории: глобализация в историческом измерении. М., 2003; Подзигун И.М. Глобализация как реальность и проблема // Философские науки. 2003. № 1; Политическая наука. Политическое развитие

Необходимо отметить, что в настоящее время российские ученые-глобалисты все чаще обращаются к всестороннему анализу проблем глобализации мира. Это связано с тем, что возникает необходимость освещения актуальных вопросов глобализации как процесса, в который активно включается Россия. Ученые современной России особое внимание уделяют роли России в мировых глобализационных политических тенденциях. В работах российских ученых исследуются направления и перспективы развития процесса глобализации современного мира.

Ряд зарубежных авторов анализируют сущность и специфику развития процесса глобализации в современном мире. Среди них можно отметить выдающиеся работы У. Бека, И. Варвика, Э. Гидденса, Р. Даля, Г.-П. Мартина, С. Хантингтона, Ю. Шварца, Х. Шуманна и других⁵.

Исследования данных ученых заложили основы понимания процесса глобализации, который рассматривается ими как разносторонний и определяющий исторический процесс, характеризующий развитие современной эпохи. Кроме того, большое внимание уделяется исследованию современных проблем глобализации, особенностей трансформаций современного мирового сообщества.

Проблематика политических процессов и институтов, а также политическая глобализация мира получили в современной научной литературе объективную разработку. Следует, однако, признать, что, несмотря на значительное количество работ по данным вопросам, сегодня отмечается явный недостаток исследований, отражающих специфику трансформации политических институтов и процессов в России на рубеже XX – XXI веков. Именно это обстоя-

---

и модернизация. М., 2003; Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: Сб. М., 2004; Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001 и другие.

⁵ Beck U. Politik der Globalisierung, Frankfurt / M., 1997; Schwarz J. Internationale Beziehungen im Zeichen der Globalisation // Argumente und Materialien zum Zeitgeschehen, 2000. № 24; Varwick Johannes. Globalisierung Handwörterbuch // Internationale Politik. Opladen, 1998; Бек У. Что такое глобализация?/Пер. с нем. М., 2001; Гидденс Э. Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. № 6. С.17-25; Даль Р. О демократии. М., 2000; Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию М., 2001; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС. 1994. № 1; и другие.

тельство поставило перед нами задачу исследования политической глобализации современного мира.

Процессы глобализации выступают как определяющая тенденция мирового развития на современном этапе. При этом глобализация находится на начальном этапе своего развития. Это сложный и многогранный процесс, который требует комплексного рассмотрения. Нам представляется, что глобализацию можно определить как цепь непрерывных политических, экономических, социальных и технологических перемен, которые размывают барьеры между государствами, объективно порождают новые законы и особенности межгосударственного взаимодействия.

Анализ понятия, динамики, типологии и специфики трансформации политических институтов в условиях глобализации позволил нам прийти к выводу о том, что в современном мире политические процессы развиваются на различных уровнях – от местного до глобального. Выявлено непрерывное влияние политической глобализации, как процесса высшего уровня, на функционирование и трансформацию политических процессов в каждом отдельно взятом государстве, в том числе и в современной России. Анализ особенностей и тенденций развития политических институтов в условиях глобализации позволяет выделить в современном мире, как нам кажется, три группы политических институтов: с одной стороны, во всех странах мира действуют надгосударственные политические институты, с другой – институты отдельного национального государства, и с третьей стороны – во всех странах мира действуют негосударственные политические институты. Мы видим, что можно говорить о возможности сохранения мирового порядка в пределах традиционных формальных и неформальных политических институтов, а также – о существенном влиянии процесса политической глобализации как на их дальнейшее развитие в целом, так и на изменение их качественных характеристик.

Проведенный нами анализ трансформации политических процессов и институтов в России в конце XX века позволил сделать вывод о том, что в условиях, когда старая политическая структура уже перестала существовать, а новая еще не прошла окончательное оформление институционализации, этот процесс носит противоречивый характер и характеризуется как конфликтный. При этом в России на стыке двух веков активно формировались неправовые

механизмы регулирования отношений государства и общества, бизнеса и власти. Более того, сам политический процесс и институциональная структура носят кризисный и нередко криминальный характер.

В этих условиях содержание политических институтов и процессов в России в начале нового тысячелетия объективно претерпевает качественные изменения. На протяжении 2000 – 2005 гг. постепенно создавались реальные предпосылки для достижения политической и экономической стабильности. В этот период в России произошла формализация многих неформальных политических институтов, были введены в правовое русло многие политические процессы, а это означало, что фактически было установлено единое правовое поле в России. Политические процессы и институциональная трансформация в России – как на федеральном, так и на региональном уровнях – не могут идти в отрыве от процесса политической глобализации мира. Реальное продвижение России по пути интеграции в глобальный мир связаны, в первую очередь, с осуществлением таких первостепенных шагов, как дальнейшее восхождение в международные политические, торговые и экономические организации и налаживание конструктивных политических отношений с различными государствами мира. Мы считаем, что практика подтвердила тот факт, что эффективная трансформация политического процесса и политических институтов в России возможны только с учетом изучения опыта политической глобализации современного мира и одновременно только при опоре на существующие в российском обществе традиции, социальные, экономические, демографические и человеческие ресурсы.

Глобализация мира определяется нами как современный объективный процесс для достижения целостной мировой системы. Глобализация отличается от понятия "глобальные процессы" и "глобальные феномены", внутренне естественно присущие всей истории человечества. Все дело в том, что речь идет не просто о сближении тех или иных социумов, а о формировании совершенно новой целостности, новых отношений, которые должны представлять всю глобальную систему мира.

Для более точного понимания процесса глобализации мира необходимо разделять такие понятия, как "глобализм" и "глобализация". Для различения этих понятий мы предлагаем использовать

известное в социальной философии различие "деятельности" как целенаправленной активности и "процесса", который инициирован деятельностью, но не совпадает с ней. Глобализм представляет собой, на наш взгляд, систему самопорождающихся, спонтанно разворачивающихся результатов, которые деятельностью не планировались, не ожидались и не контролируются. Таким образом, *глобализм* – это целенаправленная и планомерная деятельность в сфере хозяйства, политики и культуры, которая осуществляется вполне конкретными людьми и направлена на достижение определенной цели, а именно – на формирование глобального мирового пространства. *Глобализация* же рассматривается нами не как деятельность, а как порожденный глобализмом процесс, в который вовлечены все политические акторы и не только в качестве субъектов, но и в качестве объектов.

Глобализация мира анализируется нами как понятие достаточно сложное и многогранное и нередко конфликтное, то есть используется комплексный подход к изучению данного феномена. *Глобализация* понимается нами как цепь политических, экономических, социальных и технологических перемен, понижающих барьеры между государствами, порождающих новые законы и особенности межгосударственного взаимодействия.

При этом мы считаем, что катализаторами глобализации мира выступают технологические перемены. Глобальная мировая система характеризуется тем, что она облегчает доступ нередко к самой совершенной технологии, что ведет к быстрому внедрению новаций и постоянному технологическому самосовершенствованию. Кроме того, глобализация означает распространение принципов свободной рыночной экономики практически на все страны современного мира.

Мы полагаем, что глобализация трансформирует социально-политические отношения в современном мире. В нем происходит новая мировая стратификация национальных государств, которая явилась следствием развития процесса глобализации. Некоторые страны постепенно прочно входят в центр мирового развития, в то время как другие страны безнадежно маргинализируются. Таким образом, глобализация, с одной стороны, открывает новые горизонты развития современного общества и способна высвободить огромные творческие силы. С другой стороны, цена приобщения к

глобализационным процессам может оказаться достаточно большой. Но необходимо учитывать, что ни один общественный процесс мирового масштаба не развивался и не может развиваться беспрепятственно и непротиворечиво.

Можно сделать вывод о том, что процесс глобализации не завершен и находится на начальном этапе своего развития. Именно поэтому необходимо четко представлять все процессы и явления, происходящие в рамках глобализации мира, а также изучать все политические и социальные изменения, которые происходят в мире и которые коренным образом трансформируют устоявшиеся политические структуры и институты как в мировом, так и во внутригосударственном масштабе.

В решении проблемы глобализации огромная роль принадлежит политической социализации человека, а следовательно, тем институтам общества, на которые падает огромная нагрузка политической социализации общества. Такими институтами в первую очередь должны выступить общественные институты России – семья, образование, средства массовой информации, политические партии и политические движения. Только социальная работа, только научно обоснованная деятельность всех этих институтов поможет избавить общество от многих конфликтов, мешающих успешно пройти все рубежи глобализации, в которых главным действующим лицом в XXI веке должен стать человек, поскольку носителем глобализации политических процессов является только *Homo sapiens* – человек разумный. Разум человека – это главный ключ решения всех проблем современного глобального мира.

Содержание

Албегова И.Ф. 4

Институциональная социология как теоретико-методологическая основа изучения института социальной работы в современной России.....4

Анисков В.Т. 9

**К социализму в одной стране:
исходные методологические суждения 9**

Афонин М.В.

Глобализация и международные конфликты 14

Бухарин Л.А.

**Политические настроения в ярославской деревне
в конце гражданской войны 23**

Иоганнес Вайс

Перевод с английского: И.Ю. Киселев, С.А. Кудрина

**Глобализация как/или американизация?
Взгляд из Европы 27**

Гайнутдинов Т.Р., Нажмудинов Г.М.

Отступление политического 36

Досина Н.В.

**Проблема демократизации общества
в гендерных исследованиях 45**

Епархина О.В.

Жизненные стили как фактор идентификации группы ..49

Ефимова О.К.

Глобализация: проблема определения 53

Киселев И.Ю.

**О проблеме восприятия и оценки угрозы
в современном мире 61**

<i>Корнилов В.И.</i>	
Глобализация для России: сущность и проблемы.....	64
<i>Кудрина С.А.</i>	
От культуры – к миру опрокинутых ценностей.....	68
<i>Кузин С.Н.</i>	
Социальная значимость благотворительности в российском обществе (XIX – начало XX вв.).....	72
<i>Кукина Н.В.</i>	
Необходима ли России центристская партия?.....	75
<i>Мелиховский В.М.</i>	
Институциональные основы муниципального управления	79
<i>Переломова И.Г.</i>	
Количественные оценки определения современного этапа развития мирового хозяйства.....	82
<i>Руденко Л.Д.</i>	
Проблема неравенства в процессах глобализации.....	85
<i>Рутковский М.А.</i>	
Участие ярославских профсоюзов в эвакуации населения и промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны	89
<i>Седунова Е.В., Соловьева Н.А.</i>	
Некоторые аспекты интегрированного образования инвалидов	92
<i>Титова Л.Г.</i>	
Технологизация российской политической власти в период реформ.....	96
<i>Уткин П.Г.</i>	
О некоторых аспектах современной молодежной политики в России.....	99

<i>Шокин С.Д.</i> Вторая Чеченская война: позиция запада	102
<i>Шатохин И.Г.</i> Приоритеты развития пенсионных институтов в Российской Федерации	108
<i>Шубина С.А.</i> Школа русского языка в Пекине в 20 – 30-е гг. XIX в.	111
<i>Шустров А.Г.</i> Личностные истоки глобализма	115
<i>Янкевич П.Ф., Янкевич Г.А.</i> Политические преобразования в регионах современного мира на рубеже XX – XXI веков	120

Научное издание

**Вестник
социально-политических
наук**

Выпуск 6

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 11.04.2006. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 70 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.
Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.

г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.